

ОТ РЕДАКТОРА	1.htm	
О 'ЛОГАХ И "ГОГАХ"	2.htm	<i>людмила воронова</i>
ПСИХОЛОГИЯ ИМЕНИ	3.htm	<i>ром харре</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ...	4.htm	<i>валерий гаркалин</i>
ДНЕВНИК МЛАДЕНЦА	5.htm	<i>даниел стерн</i>
ЧЕТЫРЕ КРИЗИСА ВЕРЫ	6.htm	<i>анатолий берштейн</i>
СОХРАНИТЬ СЕБЯ ЖИВЫМ	7.htm	<i>татьяна горюнова</i>
ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯМ	8.htm	<i>светлана кривцова</i>
ЛОВУШКА ДЛЯ ТЕХ КТО НИКОГДА НЕ ОШИБАЕТСЯ	9.htm	<i>екатерина михайлова</i>
Я И МОЙ ХАРАКТЕР: КТО КОГО?	10.htm	
ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ С "ЛЁГКИМ" ХАРАКТЕРОМ	11.htm	
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ..	12.htm	<i>фазиль искандер</i>
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПРАВИЛЬНЫМ РОДИТЕЛЯМ	13.htm	<i>леонид кроль</i>
ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ...	14.htm	<i>сергей плахотников</i>
ПРИЗНАНИЕ ОШИБКИ- ОПЫТ, КОТОРЫЙ НУЖНО ПЕРЕЖИТЬ	15.htm	
ДЕТСКОЕ ВРЕМЯ	16.htm	<i>софья луцковская</i>
СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ	17.htm	<i>vladimir леви</i>
ЧЕЛОВЕК СИСТЕМЫ	18.htm	<i>дмитрий юрьев</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ	19.htm	<i>александр кушнер</i>
ОПЫТЫ	20.htm	<i>александр ленартович</i>
МЫ, НАШ РАЗВОД И НАШИ ДЕТИ	21.htm	
АРХИВ	22.htm	
ВИРТУАЛЬНЫЙ КРОСС	23.htm	<i>виктория белопольская</i>
СВОЯ МУЗЫКА	24.htm	<i>сергей степанов</i>
КНИГИ	25.htm	<i>нилл /антология выстаивания / виссон</i>
...А ЛЕТ ДО ПЯТИ-ШЕСТИ ЗАЯЦ БЫЛ КУКЛОЙ МАШЕЙ	26.htm	<i>елена дьякова</i>

ДЕТСТВО | *александр асмолов*

ДЕТСТВО... Что это такое? Быть может детство - первая и главная Родина каждого человека, куда нет-нет, а возвращаешься мыслью, чувством и воспоминанием, когда хочешь разрешить извечные вопросы: "Кто ты такой? Ради чего появился в этом мире?"

А может быть детство - это банк конкурирующих программ будущего развития человека и человечества, в которых причудливо переплелись прошедшие проверку биологической эволюцией генетические программы; выстраданные историей программы и социальные утопии культуры; образовательные программы спорящих друг с другом учителей; полные ожиданий проекты родителей, часто мечтающих увидеть в детях свершения своих несбывшихся надежд; жизненные программы растущей личности, которая порой, разбивая все предначертанные прогнозы и пророчества, строит свою неповторимую судьбу..?

А может быть детство - это школа, та школа, в которую учителям приходится ходить всю жизнь. И когда утром слышишь: "Не хочу вставать. Не пойду в школу", - то эту фразу с не меньшим неистовством произносят и ученик, и... директор школы. Разница лишь в том, что и учитель, и директор, в отличие от ученика, навеки приговорены к испытанию детством.

Прикасаясь всем этим и многим другим к тайнам детства, невольно вспоминаешь строки:

Шалтай-Балтай сидел на стене,

Шалтай-Балтай свалился во сне,

И вся королевская конница, И вся королевская рать

Не могут Шалтая, Не могут Балтая, Шалтая-Балтая собрать...

И педагоги, и психологи, и врачи, и писатели, и дети оказались в положении королевской рати, которая не может взрослое детство и детское детство собрать ... Как же быть в этой ситуации? Где выход?

Быть может, это прозвучит дерзко и нагло, но выходом является в самом буквальном смысле слова выход в свет в 2000 году журнала "Педология/новый век".

Наш журнал - особое измерение, в котором люди разных профессиональных цехов приобщаются к искусству разговора о детстве на языке человеческой культуры и ищут пути к пониманию детей, друг друга, самих себя. Ведь в детстве во все времена и во всех странах существует заповедное "нечто", что поверх и любых профессий, и простодушия самоуверенного здравого смысла.

Кто, например, разгадает загадку Имени как проекта человеческой судьбы? Или ответит на вопросы, почему так часто встречается трагичный феномен психологического сгорания в учительской профессии? Почему столь трудны биографии учительских детей? Кого заботит драма психолога, который выступает в роли громоотвода человеческих конфликтов, сам страдает от непонятности и невысказанности?

Для того чтобы собрать и понять детство, возродить растрелянную в сталинское безвременье педологию - науку о детстве, постичь бесконечное разнообразие миров детства, учителя, писатели, психологи, родители и дети ведут беседы о детстве на страницах журнала "Педология/новый век".

Говорят, не бывает журнала для всех. Неправда.

ПЕДОЛОГИЯ / новый век - это и есть журнал для всех. Всех, кто считает детство своей Родиной, кто пытается понять других людей и самого себя, кто во все эпохи и при всех властях смеет, хочет и может быть Человеком. |

О 'ЛОГАХ И "ГОГАХ" | Людмила Воронова

Спасибо за журнал. Последний раз я так радовалась, удивлялась и трясла башкой от согласия и “разделенной” радости узнавания “родного” лет пять назад, читая впервые, например, “Опавшие листья” Василия Розанова...

Ведь я-то библиотечкарь... (Как раз тот Чукча, что Читатель... жанр у меня такой - по имени “текст”.)

Вот сказали: посмотрите журнал...

Я и посмотрела...

Я и “покатала на языке слово “педология” - в сравнении с общеизвестной “педагогикой” (“ведущей мальчишка”).

Получилось “Логи” и “Гоги”

- библиотечкарь я...

Моя “богова деланка” - это книги... Это мой “Заповедник Гоблинов”, поэтому я всё время в моём тексте “брожу” с писателями нашими, “классическими” (я школьная “библиотечкарька”, поэтому руковожу Программой нашего министерства (не к ночи будь оно вспомнано!)) Просвещения: Гоголь, Толстой, Тургенев. ...“брожу” с писателями и гляжу как у них изображены дети?

И зачем вообще они в их книгах?

И оказалось, что испытание ребенком - самая универсальная “проверка на разумность” и человечность...

Еще раз спасибо за ваш классный журнал...

С благодарностью и почтением

Люда Воронова

Мл - а - денец...

Это вам не “бэби”

Глухонемое слово, стон, “превращающийся в округлое всеобщее “а...”

Слово из “пра - языка”...

“А - а - а” тут же переходящее к делу, к созиданию себя -

“денец” - умелец, гляделец, ходелец...

Но нет еще языка у него...

И понять его - труднее, чем описать другу (друг - слово от слова - другой)

другую планету...

Я, знаете, тут днями купила книжку фантастики. Меня потряс там эпиграф из Уильяма Гибсона (Подозреваю, что он - фантаст тоже):

“Его убил культурный шок”.

Пойми мы наших младенцев, мы бы разделили участь погибшего...

Люди давно стали догадываться, что младенец - это “не пять кило картошки” (Привет Юрию Ковалю, Царствие ему Небесное...)

Вот он-то как раз был “логом”...

Педо-логом...

Считавшим, что детство надо прежде познать (или воскресить? в себе взрослом), а уж потом ребенка куда-то “вести”.

Ведут куда-то всегда “гоги”...

Педа-гоги...

Загадочно то, что они обычно точно знают - КУДА вести младенцев всех возрастов.

Отличие “лога” от “гога”, вероятно, в том, что первые могут уподобиться младенцу (впасть в детство и не утратить при этом язык. Обычно это все же удается писателям, реже... Но всё же! Всё же! и психо-логам...)

А “гоги” - они взрослые, даже если и говорят ПРО детей...

Выдающимся педагогом был, например, Лев Толстой. Просто “матёрый”

“педа - гогище...”!

Детство - хороший роман (повесть?)

Но Николенька там только “кинокамера”, через которую свой фильм “снимает” Лев Николаевич...

...Недавно я дочке рассказывала о своей мальчишеской компании в возрасте

лет 9-10-ти...

Дочка разделила мой восторг простодушностью “малых сих”:

- “Да, мам, они всегда так самозабвенно тарыхтят своими машинками!.. Ангелы...”

(Ну - ну...!)

Вот у Толстого вы “тарыхтенья своей машинкой” от Николеньки не дождетесь...

Толстой гениально, без дураков, вам опишет психо - “логию” лошади, коня, жеребца(??) Холстомера, но - не младенца...

...это тем более удивительно, что иррациональность женской природы толстой “ловил” верхним “нюхом” абсолютно. (Охотник... да?)

(Во - плоды педологии сказываются. Я, начитавшись Вашего дивного журнала, принялась, подобно вам, писать все имена “больших” и “взрослых”, с маленькой буквы.)

Получается, как Анной Карениной Толстой стать, как бы мог, а вот её сыном Сережей, а тем более новорожденной дочкой Анны (как ее, собственно звали? не помнится ведь!)- этого Толстой уже не достигал, не умалился до младенца...

Хотя собственные пелёнки, первые “узы”, помнил, и младенцем себя тоже... (Но “нет” слов... “ЭТОМУ”.)

Но “гог” в Толстом тут сильнее “лога”.

И поэтому живая, но не укладывающаяся в правильные “педо - гогические” рамки Анна Каренина у него просто укладывается на рельсы.

А что же ему еще с ней сделать?

Приходится “гогу” Толстому живое

Раз - во - площадь...

Вот сцена встречи Анны с сыном в день именин Сережи...

Сцена потрясавшая и потрясающая целые поколения..!

Но что потом?

А “дальше - тишина” - просто классика, Анна после этой памятной всем встречи в романе впадает в некую амнезию. Буквально в духе “мыльных” латиноамериканских опер... по TV... И уже до конца романа о сыне как-то и не вспоминает...

как в анекдоте про чукчей: “Чего приходил, белый человек”?

а дочь Вронского бедная Анна и любить отчего-то не может

(Просто киро-муратовский “астенический синдром” какой-то...)

Бедняга и Каренин с пресловутыми ушами...

А когда-то были, может быть, и

“у - ш - ки”...

С чего бы Сережа-то получился...

Но... Т - с - с... Гоги... Изменив мужу, Анна как-то в одночасье лишается Толстым и всякого материнского естества...

Любопытно, что младенца Катюши Масловой Толстой тоже, по-моему, умервщляет...

Такое чувство, что Толстой не знает, что с этими младенцами делать...

А **вот** Достоевский уже знал, что делать с детьми в романах... И поэтому “Крейцерову сонату” с её финал Достоевский не написал...

Федор Михайлович был го - ра - здо ближе к “логу”...

И написал, например, “Братьев Карамазовых”.

Не забыл и пьянице Мармеладову сахарного петушка в пыльный карман засунуть, прежде чем “задавить” до смерти каретой (!)

(Уж не лихач ли Холстомер там скакал?... С графом...?)

И не то чтобы Федор Михайлович, был искушен в детской психологии (увы! нет... Дети Достоевского тоже “тарыхтенья” зачастую “машинкой” автора),

но он-то по-другому ответил бы на толстовский вопрос “Чем люди живы?”

Он ещё не писал ОТ РЕБЁНКА, но уже не писал “ЧЕРЕЗ” него.

Поэтому-то у Достоевского есть не только Илюшенька Снегирев, но и Коля Красоткин, не только какая-то “астрально-нереальная” роковая Неточка Незванова, но есть и совершенно живая Полечка Мармеладова...

Вот в чем открытие Достоевского:

Через ребенка, через младенца с человеком могут происходить дивные вещи...

Дети могут ПРЕОБРАЖАТЬ взрослых.

Они не ОБЪЕКТ “педагогик” - ведения мальчишка ко всяким НАШИМ целям...

А они ВХОД в некую глубину (“логию”)...

Дети - тот брег Божьей реки, где человек (любой - большой и маленький) задаёт себе вопрос:

- Что есть я?

- Зачем я?

Вот Толстой-то не услышал детской подсказки, дяденька не смог, не захотел вернуться к истоку, а через него - и в глубину свою...

Он всё педа - гогил - вёл, вёл, вёл...

Не выдержал и сам ушёл... В никуда... В пустыню... В Оптину Пустынь...

Мне вспоминается рассказ одной девочки.

Она поздно родилась... У нее были “большие” родители в приличном возрасте... Жалуются выросшая девочка подружке:

- Вот так и выросла... Не попрыгать с ними, не побегать, не за горохом сходить... Это лучшее определение науки педагогики, которое я слышала...

Разница между педологией и педагогикой мне мыслится в ключе решения шарады, которой меня терзал преподаватель в институте на экзамене по педагогике.

- Вот вы мне скажите, в чём разница между педагогическим методом и принципом?

(Метод без принципа... Принцип без... метода? Принципиальный метод..? Методический принцип..?)

Это вопрос ввергал в дзеновскую пустоту, после удара палкой Мастера по моей голове...

Слава Богу, родив дочку и отрешившись в сторону от принципов и методов педагогики по направлению собственно к детям, я и нашла ответ на эту загадку...

Вернее моя четырехлетняя дочь мне так и разъяснила...

Было это так...

Женька мне “читала” (букв-то она не знала, но “Буратино” прочитан был уже много раз...)

Поэтому временами я была “дочкой”, а Женя - “читающей мамой”).

И “читает мама”:

- Во-от... тогда он громко чихнул...

- Кто “он”? - “не понимаю” я...

- Мама, мама! - вскрикивает, вышедшая из роли “мама”, потрясенная моей бестолковостью, подобно вузовскому “преподу”.

- Кто... чихнул..? Ну, конечно же Барабас! У Буратино же дырок в носу нет..!

Так что педагогика - это метод...

Барабас с дырками в носу и могущий чихать...

Или не Барабас... Папа Карло тоже чихал...

Но какой из него, скажите, методист?.. Он ...так... - стихийный романтик, следующий своим путем... Из полена - да мальчишка сделать... (Обычно педагоги как-то наоборот...)

Ну а педология?

Ясное дело - Буратино... Нос без дырок (где выход в практику, а?)..

Закрыли! Закрыли холстом с ненастоящим огнем под котелком, в котором “понарошечная” похлёбка... Чтобы попасть к “настоящей дверце, надо сначала снять “дикорацию”. (Это “дикость”? или “декор”? ...всё же - “декорацию”. Или сначала - “дикость”?) Как “снять” дикость... Выпрямиться, да на небо поглядеть...

Звезды... Солнце...

А то всё - каморка, да каморка...

Да, педология - без сомнения Буратино... Пока без “чиха”.

Но зато живой, с уймой идей, сказочный, любимый...

Сказочный мальчик.. |

ПСИХОЛОГИЯ | ром харре
ИМЕНИ | - мастер психологии, философ, культуролог, публицист.

Как имя влетает в контекст индивидуальной судьбы?

Почему в различных сообществах, в том числе в социальных возрастных группах детей и подростков, столь часто прибегают к прозвищам? Не выполняют ли имена и прозвища в процессе развития личности человека особую функцию психологической защиты? На некоторые из этих вопросов пытается найти весьма остроумные ответы известный английский философ и психолог Прежде всего необходимо обратить внимание на то особое интимное значение, в котором собственное имя отождествляется с самим собой и в соответствии с которым неоднозначный вопрос “Кто я?” допускает в качестве ответа как название имени, так и некое описание. Обычно имя выполняет роль описания. Значение такого ответа хорошо иллюстрируется теми чувствами гордости, стыда... которыми обрастает наше имя.

Антропологи гораздо более подробно, чем психологи, исследовали имена. Известны данные о системах именования, в которых “подлинное” имя скрывается из опасения, что враг человека может обрести власть над ним, если узнает его настоящее имя - а это убедительно демонстрирует ту степень, в которой имя человека отождествляется с ним самим.

Антропологи отмечают, что выбор имени отчасти определяется описательными или эмпирическими чертами именуемого предмета или индивида и, особенно, видами самой системы именования. Важно осознать и пророческую роль имени, будь то имя, выбранное для человека ответственными лицами и официально зарегистрированное, или прозвище, влияние которого может сказываться всю жизнь.

Социальные аспекты имени

Итак, официально данные имена, в выборе которых человек почти не властен. Некоторые исключения определяются тем, что в отдельных законодательных системах человеку предоставлена возможность официально поменять имя по своему выбору. Так, женщины, вступа в брак, могут либо принять фамилию мужа, либо сохранить свою девичью фамилию. Наконец, в британской системе дворянских титулов человек, удостоенный титула, вправе выбрать имя по своему усмотрению. В целом, однако, я буду исходить из допущения, что имя дается человеку в момент рождения или вскоре после рождения, и сам человек никак или почти никак не определяет, каково будет его имя. (Иное дело то, что я называю прозвищами, о которых речь пойдет ниже.)

Намечу две основные сферы влияния, которое имя оказывает на человека и человек на имя. Первая касается открытия человеком своего имени. Насколько я могу судить, неизвестно, когда человек открывает для себя свои имена,

в каком порядке и как его установки по отношению к этим именам возникают, развиваются и меняются. В отсутствие эмпирических исследований можно допустить, что имя и фамилия усваиваются человеком как некое социальное знание в разное время в ходе его индивидуального развития. Это может быть так, а может быть и нет. Но, открыв свое имя, человек постепенно приходит к пониманию его значимости.

Наступает такое время, когда дети, которым не повезло с именем, осознают, что их имя - это клеймо. В силу разных причин некоторые имена становятся абсурдными, нелепыми, вызывающими насмешки. В наши дни пример такого рода - имя Хорас, которое, насколько я могу судить о природе этого явления, было присвоено мультипликатором Уолтом Диснеем невероятно тупой лошади, и благодаря популярному мультфильму само имя превратилось в обидную кличку. К тому же существуют имена, которые сами по себе в какой-то мере нелепы. В мои школьные годы имя Лонгботтом (букавально Толстогозяды. - Прим. переводчика) неизменно вызывало насмешки, как, собственно, и его обладатель.

Но имя может выступать клеймом и иного рода. В тех обществах, где заклеены определенные этнические группы и характерные для них имена, имя само по себе обретает эмоциональную нагрузку. Было бы некорректно в отсутствие эмпирических данных приводить примеры такого рода, однако каждый читатель может извлечь их из собственного опыта.

Люди, которые страдают от клейма своего имени, умеют более или менее успешно его переносить. Благодаря работам американского психолога Э. Гофмана нам известно, как им это удается. Вопрос о том, насколько открытые Гофманом правила задействованы в процессах примирения с неблагозвучным именем, остается открытым для эмпирических исследований.

Болезненное ощущение, возникающее при осознании того, что твое имя могло бы быть другим, приводит к тому, что имя-клеймо становится крайне неприятным. Гофман выделяет три разных пути, посредством которых удается совладать со своим именем. Те, кто не соответствует “норме”, оказываются страстными сторонниками этой нормы. Так в XIX веке в Америке иноязычные имена переделывались на английский лад.

Заклейменный человек, не меняя имени, может попросту сторониться того общества, в котором его имя считается клеймом. Есть основания полагать, что этим приемом успешнее взрослых пользуются дети.

И третье: имя участвует в создании мнения о человеке, поэтому смена имени - всегда пример управления производимым впечатлением. Перемена может быть незначительной: меняется лишь произношение, и имя переходит из одной этнической группы в другую, либо затрагивается этимология слова, и фамилия Розенберг превращается в Монтроз. Кроме того, можно от одной части имени перейти к другой, меняя способ представления личности, когда, например, Лиззи становится Бет. (С прозвищем, конечно, справиться гораздо труднее, поскольку оно присваивается окружающими, и человек над ним властен в гораздо меньшей степени.)

Также важен эффект, который оказывает на нас имя, когда мы гордимся им. В некоторых обществах позитивное влияние имени неслучайно: родители стараются выбрать благозвучные и достойные имена своим детям, роднящие их с выдающейся личностью, семейством и даже целым народом. Во многих китайских семьях эта традиция сохранилась по сей день, а в викторианской Англии очень часто встречались имена Фэйт, Хоуп и Черити (подобно русским - Вера, Надежда, Любовь. - Прим. переводчика).

Широкое распространение имеет также феномен, относительно которого практически не собрано систематических данных, - это стремление подростков к смене своего имени. Конечно, здравый смысл подсказывает, что прозвище и самоощущение столь же тесно переплетены, сколь, по-моему, разобщены реальная и желаемая личности.

Разобщенность, преобладающая в самоощущении подростка, может быть преодолена посредством смены имени на такое, которое в большей мере соответствовало бы желаемой личности.

Есть и другой аспект - широко распространенная практика принятия сценических псевдонимов, когда Норма Джин Бейкер становится Мерилин Монро, а Джерри Дорси - Энгельбертом Хаммерлингом. Наверное, существует некое негласное представление в кругу импресарио, какого рода имя соответствует данному типу личности. Можно предположить, что такое представление культурно-специфично и изменяется со временем. Исследования на кросс-культурной и исторической основе могли бы прояснить, существуют ли универсальные принципы, проявляющиеся в данных случаях.

Помимо открытия своего собственного имени и его судьбоносного значения, существует также прочтение имени окружающими, общественное понимание личностных свойств того или иного имени. Английская газета “Санди Таймс” опубликовала результаты собственного исследования особенностей социального смысла определенных имен, выполненного в шутиловом духе. В них сравнивались разные области Британии.

Оказалось, что между севером и югом Англии существует различие в использовании викторианских женских имен, например, имя Эмма чаще встречается на юге, чем на севере. Однако то, что часто называют классовыми различиями, оказывается более важным в выборе имени, чем географический фактор. В тех областях, где преобладает ручной труд, имя подбирают тщательнее, во многом под американским влиянием. А в районах Лондона, где преимущественно живут квалифицированные работники, преобладают традиционные, простые имена.

Разумеется, газетные отчеты несовершенно. За ними скрываются неисследованные особенности едва уловимого социального опыта, социальных и личностных ассоциаций, связанных с именами. Известна, например, салонная игра, практикуемая в некоторых семьях. Она состоит в том, чтобы угадывать, что за человек, скорее всего, является носителем определенного имени. Иногда оказывается, что свою роль играет опыт встреч с людьми, названными одними и теми же именами, однако я склонен полагать, что тщательное эмпирическое исследование, скорее всего, выявит некую культуру имен, в которой эти ассоциации подчиняются характерным для данной местности обобщениям.

Происхождение прозвищ

Прозвища - чрезвычайно важная часть мира детей. Прозвища изобретаются детьми для детей и становятся образцом тонкой и изощренной системы. Однако первые в нашей жизни прозвища мы получаем от родителей и близких нам людей. Независимо от культурных условий каждый маленький ребенок оказывается буквально осыпан разными именами, ни одно из которых не является его официальным именем. Пока ничего не известно о том, как младенец разбирается во всем этом многообразии, как начинает принимать имя как свое собственное. Имена, используемые отцом и матерью по отношению к ребенку, в известной мере различаются. Для отцов характернее формальная манера обращения к детям. Но как возникает прозвища? Исследования, проведенные среди детей, показали, что существуют четыре основных принципа происхождения прозвищ.

Некоторые прозвища описывают качества ребенка: физические, интеллектуальные или свойства характера. Они - основа для создания имени. Блестящий пример такой практики в действии описан в современном романе Ле Карре (Le Carre). “В пору весенних экзаменов мальчишки удостоили Джима прозвища. Они предприняли четыре попытки, пока наконец не удовлетворились. Сначала попробовали звать его Гусаром, намекая на его армейские повадки, некоторую безбидную грубоватость и склонность к прогулкам в одиночестве. Но прозвище Гусар не прижилось. Тогда был испробован Пират, потом - Гуляш, отчасти навеянный его страстью к мясным блюдам, отчасти его безупречным французским. Но и Гуляш их не удовлетворил: этому прозвищу недоставало намека на его скрытую силу.

Наконец они остановились на прозвище Рино (Носорог). Оно отчасти было навеяно его любовью к физическим упражнениям, которую они не могли не заметить. Рано поутру, утасов под холодным душем, они видели, как он с рюкзаком за спиной возвращается с утренней прогулки. А поздно вечером они видели в окне силуэт атлета, боксирующего с тенью...

Многие события, совпадения в жизни служат источником возникновения прозвищ. Представьте девочку, которой на уроке французского всякий раз, когда наступает ее очередь читать фрагмент из учебника, достается фраза, начинающаяся словами “J’aime”. Дотоле “безымянная”, девочка приобретает кличку Джем. Или представьте мальчика-подростка, которого ломающийся голос подвел на уроке французского при чтении слова “sourable”; с той поры за ним закрепилась загадочная кличка Куп.

Прозвища, связанные с событиями, в антропологии называют внешне мотивированными. Другие категории - внутренне мотивированные прозвища. В их основе - вербальная аналогия. Это, например, связь официального имени и прозвища. Так имя Стефен Хилл обращается в Чилл, а затем в Чарли. По-моему, также внутренне мотивированными являются культурные аналогии, когда, например, некто по имени Дональд начинает зваться Дак. С культурной аналогией связан либо является ее вариацией и другой прием, в котором сочетаются внутренняя и внешняя мотивации, например, когда школьники зовут свою учительницу Кики, потому что она внешне похожа на персонаж телепередачи - кукольную лягушку.

Наконец, существуют традиционные клички, ассоциируемые с внутренне мотивированными прозвищами, Лобби (элегантный, шикарный) вместо Коларк или Дасти (пыльный) вместо Миллер, Лобби (аллегантум, шмак) с социальной ролью, продиктованной очевидными внешними качествами, например, Порки (Толстяк).

Система присвоения прозвищ оказывает огромное влияние на процессы порождения и поддержания общественного порядка, который создают дети в рамках своего автономного детского сообщества. В целом система именования оказывает влияние в трех направлениях. Во-первых, она отмечает тех, кого отвергает детская группа. Во-вторых, она обозначает сплоченную группу тех, кто обладает привилегией величать друг друга по прозвищам. (Так, тринадцатилетние девочки-подростки обращаются друг к другу по прозвищам. Включение в их группу или исключение из нее обозначается переходом либо к прозвищу, либо к официальному имени.) Наконец, имеет место процесс, посредством которого выдвигаются лидеры данного микросообщества.

Нам необходимо рассмотреть два важных момента, чтобы понять значение этих вербальных процессов. Насколько тесно вокруг прозвища группируются качества и в какой мере они принимаются тем, кто носит прозвище? Насколько тесно эти качества группируются вокруг центрального атрибута прозвища, из которого оно и произошло? То есть в какой мере прозвище Толстяк для упитанного мальчика является его описанием, а в какой - ролью?

Этнографы говорят о тенденции, согласно которой тот, кто происходит из клана Орла, по отношению к другому клану, скажем, Медведя, начинает “вести себя по-орлиному”. Один весьма наблюдательный молодой этнограф описывает постепенное обретение кошачьих повадок некой особой, получившей прозвище Пусси (Киска) исключительно из-за формы глаз. По аналогии с влиянием имени-тотема можно допустить, что характеристика прозвища порождает определенный стиль поведения, с помощью которого носитель прозвища стремится ему соответствовать.

А как насчет традиционных прозвищ вроде Толстяк, Грязнуля? Они воспроизводятся из поколения в поколение и, похоже, относятся к основам автономной детской субкультуры. Полагаю, что такие традиционные прозвища - это не просто фиксация каких-то качеств. Прозвище относит ребенка к определенному классу. Новая роль и предписанный ей стиль поведения выступают гораздо более важными характеристиками носителя прозвища, нежели его внешние качества. Уместно спросить, насколько толстым должен быть Толстяк и насколько грязным - Грязнуля.

Однако, насколько мне известно, исследований по этому вопросу не проводилось. Поскольку этнография загадочного племени детей еще далека от совершенства, приходится в отсутствие адекватных научных данных обращаться к литературным описаниям, из которых я хочу выделить два весьма определенных класса толстых мальчишек. Билли Бантер (Жиртест) действительно крупный мальчишка с большим животом, который может, пользуясь своим весом, расталкивать окружающих, но который в сложной ситуации готов разреваться. Питти (Хрюша) - упитанный отличник в очках с толстыми линзами, который двигается по-девчачьи и совершенно не годен для подвижных игр. Смею утверждать, что оба эти типа определяются скорее социальными, а не физиологическими факторами. Это, в частности, обусловлено тем, что Толстяк и Грязнуля, либо к одному классу, либо к другому. Думаю, в каждой детской группе отнесение к данному классу тем или иным образом может быть осуществлено лишь однажды, то есть в группе будет только один Жиртест и один Хрюша. Чтобы объяснить существование этих типов и их роль в жизни сообщества, понадобится гораздо более обширное исследование, нежели те, что уже проделаны.

Давайте внимательнее присмотримся к классу “Пиг-ги”, поскольку мы имеем исключительную возможность рассмотреть одного из представителей этого класса, описанного гениальным писателем Уильямом Голдингом в качестве главного героя его романа “Повелитель мушкетеров”. Питти - архетипический персонаж, потомок Фальстафа и Санчо Пансы. Его антипод - Ральф, высокий и атлетически сложенный. Питти невысок и очень толст. В соответствии с архетипом он “вне игры”. “Дядюшка запретил мне бегать, - обижается он, - из-за астмы”. Он отмечен своим физическим несовершенством как “единственный мальчик в школе, страдающий астмой”, и его очко - важный атрибут архетипа - выступают как предмет гордости. О признается Ральфу: “Я ношу очки с трех лет”.

В романе Питти выступает не только оруженосцем Ральфа. Он его интеллектуально превосходит, именно он мыслит, строит планы и превьше всего ценит порядок. Он принимает смерть от банды Джека, встав на защиту раковины - единственного символа цивилизованного порядка, которым владеют мальчишки. Ребята на острове насмеяются над Питти, подобно тому как мальчишки в наших школах над своими Питти, но именно к ним они обращаются, когда требуется мастерство.

Почему такие ребята иногда толстые? В отсутствие определенных этнографических данных осмелюсь предположить, что существует некая традиция, которая это требует. Постоянство автономного детского сообщества требует, чтобы в нем присутствовали толстяк № 1 - Билли Бантер и толстяк № 2 - Питти. И более или менее подходящие ребята укладываются в эти роли. Те, кто всего лишь упитан, но не обладает прочими атрибутами, остаются рядовыми гражданами детской республики.

Пожоже, роль Билли Бантера несет в себе черты козла отпущения: ему позволено вести себя как грубом обжоре, а потом расплачиваться за себя и за других. Нечто подобное заметно и в различии эвдиклассов интеллект - “Умника” и “Тугодума”.

“Умник” - это ходячая энциклопедия, он помогает другим решать их проблемы, и его интеллект всеми признается, тогда как над Тугодумом, который хоть и неглуп, все насмеяются как над тулупией.

Другая пара традиционных типов - Грязнуля и Язва, по-моему, также укладываются в микросоциологическую схему. Грязнуля, подобно Толстяку № 1, несет ответственность за общую нечистоплотность. А Язва дана своеобразная лицензия на шутство, причем комплекция защищает его от тех последствий, к которым мог бы привести его острый язык.

Но зачем прозвища остальным “гражданин” сообщества? Ответ на этот вопрос, получен в детальном исследовании присвоения прозвищ в небольшой английской школе. Когда стандартные прозвища оказываются использованы, еще остается богатейший набор. Однако этимология остальных прозвищ весьма прямолинейна. Есть определенные стандартные клички, например Морковка, есть аллитерация - так, тот, чье имя оканчивается на “от”, получает прозвище Хот Дог. Того, чья фамилия Холмс, называют Шерлок и т.п. Но роль и этих прозвищ не исчерпывается их этимологией. А вот у семи учеников в классе этой школы вовсе не оказалось прозвищ. Возможно, отсутствие прозвища свидетельствует о периферийном положении ученика в детском сообществе и в целом служит показателем его изолированности. В этой “безымянной” группе оказалось исключительно много детей из Вест-Индии. Двое из них, самые популярные у одноклассников, клички имели - их прозвище свидетельствовало о социальном признании. Хотя вопрос о том, что здесь первично, не до конца ясен.

Также очевидно, что в возрасте примерно одиннадцати-двенадцати лет происходит перемена в системе присвоения прозвищ. Есть данные о том, что происходит, использовавшиеся ранее, в этом возрасте отвергаются и возникает новая система именования. Эмпирически установлено, что новые прозвища не связаны с традиционными классами и в гораздо большей степени выделяются независимостью и особенностями поведения. Выявлено различие между школьниками из рабочих районов и районов, населенных служащими. Среди старшеклассников рабочих районов прозвища более консервативны, чем среди детей служащих. Консерватизм характерен не только для прозвищ самих по себе, но и для их этимологии. Существовал, например, преобладание прозвищ, так или иначе производных от фамилии. Среди детей рабочих районов фамилия Баррет легко обращается в Кэррот (Морковка), тогда как, у представителей среднего класса чаще встречаются прозвища типа Чок-Айс, обусловленные любовью к мороженому.

Кто приводит прозвища? Ограниченные данные, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что существует некто, кому детским сообществом выдана своего рода лицензия на присвоение прозвищ. Иногда это может быть учитель, хотя чаще всего это не он. Попытки всех остальных придумать прозвища, как правило, оканчиваются неудачей. Мы наблюдали драматические попытки признанной вест-индской группы присвоить прозвища своим безымянным товарищам - попытки, оставшиеся безуспешными.

Многие люди имеют несколько прозвищ, и каждое из них, похоже, связано с принадлежностью к определенной группе. Двое друзей или, скажем, небольшая группа приятелей могут иметь особые прозвища друг для друга, которые не позволяют использовать больше никому, но в более широкой группе они в соответствии с ситуацией используют иные прозвища.

Как и многие другие социальные явления, система прозвищ, вероятно, является не только формой солидарности, но и источником иных форм социальной активности, например подражания и унижения. Одно и то же прозвище может служить проявлением симпатии и быть средством оскорбления. Хотя и оскорбление выступает своего рода признанием, тогда как те примерно двадцать процентов, кому отказано в прозвище, не признаны вовсе. |

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... | *валерий гаркалин*

Я хотел бы, чтобы мои дети были непохожи друг на друга. Я исхожу из того, что каждый, кто приходит на эту землю и живет здесь, неповторим. Эта истина проста. Сюда приходит не просто человек - с ним приходит целый мир. Впоследствии, когда наступит последний час и он покинет наш мир, его собственный мир уйдет тоже. Очень важно понять это, помнить об этом, когда решаешь, как к нему относиться, что с ним делать, как влиять на него, какие вкусы, убеждения, взгляды формировать. Мне кажется, специально воспитанием просто категорически не надо заниматься. Дети формируются самостоятельно, независимо от наших взглядов и убеждений. Влияние необходимо только в исключительных случаях, в экстремальных ситуациях.

Нам, взрослым, надо исходить из того, что каждый человек - индивидуум, который никогда больше не повторится на этой земле, и важно сохранить его в чистом виде, незамутненном. Он сам создаст свое мировоззрение исходя из того, как он воспринимает этот мир и как этот мир проходит через его мир.

Мне интересна индивидуальность и неповторимость человека, ведь часто мы быстро расходимся с людьми только потому, что не чувствуем их индивидуальности. Неповторимость - это в какой-то степени счастье, тем более если она становится частью самооценки. Если человек будет чувствовать свою неповторимость, он будет по большому счету счастлив.

Возможно, что неповторимость может принести и одиночество. Но мы приходим в этот мир одинокими и покидаем его в одиночестве, поэтому не надо бояться этого и считать, что индивидуальность - удел неудачников и несчастливых людей. Мне кажется, долю одиночества и печали должен прожить каждый неповторимый человек.

Если бы каждый из тех, кто способен рожать детей и воспитывать их, чувствовал это, миру было бы гораздо лучше. |

ДНЕВНИК *Дэниэл Стерн*
МЛАДЕНЦА - психоналирик, профессор психиатрии медицинского центра Корнельского университета, профессор психологии Женевского университета. Отец пятерых детей, младшему в момент написания книги было два года, старшему - двадцать шесть лет.

Что происходит с малышом, когда он пристально глядяется в наше лицо или рассматривает нечто простое, тогда, как пятно солнечного света на стене или столбик своей кроватки? Как чувствует он себя: когда голоден? когда сыт? когда вы играете с ним лицом к лицу?

Я размышлял об этих вопросах и искал ответы на них более двадцати лет. Первоначально внутренняя жизнь ребенка была для меня прежде всего интеллектуальной проблемой, которую следовало решить. Но постепенно я начал понимать, что мой интерес вытекает из чего-то большего, чем простое любопытство. Меня увлек поиск первоначал, исследование самой сущности человеческой природы.

Я создал личный дневник младенца по имени Джой не только для того, чтобы просветить родителей по поводу внутренней жизни их малышей. Дневник - это и исследовательская стратегия, которая помогла мне построить гипотезы психологии восприятия, эмоций и памяти младенцев, гипотезы того, как малыш переживает собственное развитие и свое прошлое.

Дневник состоит отчасти из размышлений, отчасти из воображения, отчасти из фактов, причем и то, и другое, и третье вытекает из знаний о младенцах. За последние десятилетия произошла настоящая революция в научном исследовании маленьких детей. Фактически результатов систематических наблюдений за первыми двумя годами жизни человека больше, чем за каким-либо другим периодом. Часть этой информации была получена в моих исследованиях; большая же часть добыта учеными со всех концов света. Структура дневника основывается на резких скачках, которые происходят в развитии младенца. Каждый скачок продвигает малыша вперед и как бы дарит ему новый, более сложный мир опыта. Я дал возможность Джюю как бы прочертить траекторию своего развития через пять последовательных миров: от раннего младенчества к тому моменту, когда он, в четыре года, уже готов сделать следующий шаг вперед и сочинить свою собственную историю.

Большинство дневников - записи прошедших событий. Однако в дневнике Джоя все происходит в настоящем. Его события подобны снам, заснятым кинокамерой на пленку. Разумеется, у младенцев еще нет слов. Они не могут ни писать, ни говорить, ни думать словами. Поэтому голос Джоя - это голос, который создал для него я. Создал для того, чтобы ухватить суть доречевого опыта маленького ребенка.

По мере того как Джой взрослеет и становится все более способным различать свои переживания, описания дневника приобретают большую детальность.

Для передачи голоса Джоя мне пришлось воспользоваться словами, но я попытался сделать его язык максимально приближенным к способу восприятия мира маленьким ребенком. Когда Джюю, например, всего шесть недель, в дневнике не встречаются личные местоимения - я, мне, ее, - поскольку ребенок не может различать себя и свою маму или другого заботящего о нем человека. А слова тогда или после появляются лишь тогда, когда у Джоя уже есть некоторое представление о том, как одни события следуют за другими.

Каждая часть дневника посвящена одному из последовательно разворачивающихся в жизни ребенка миров: миру чувств, миру непосредственного общения, миру внутренних ландшафтов. По мере взросления Джой последовательно входит в эти разные миры, однако прешествующих миров никогда не покидает полностью. И каждый новый мир не заменяет предыдущих, а что-то добавляет к ним. Мир непосредственного общения не отталкивает в сторону мир чувств и не поглощает его целиком, но добавляет новую ноту. И точно так же, как в музыке, когда к первой ноте добавляется вторая, обе начинают звучать по-новому...

"Дневник младенца" описывает путешествие по мирам, которые открываются каждому человеку в начале пути и сопровождают его всю жизнь.

МИР ЧУВСТВ

Джюю шесть недель

Представьте, что у всех вещей, которые вы видите, трогаете или слышите, нет ни названий, ни значений и лишь с некоторыми связаны какие-то воспоминания. Младенец, назовем его Джой, воспринимает мир главным образом как чувства, которые возбуждают в нем предметы этого мира. Когда родители называют его "лапушка", он не знает, что лапушка - это слово и оно относится к нему. Он даже не очень замечает звучание этого слова, которое отличается от света или прикосновения. Однако он внимателен к тому, как этот звук струится и переливается. Он ощущает его плавным, гладким и спокойным, успокаивающим его или, наоборот, - резким, бурным и возбуждающим.

Взрослые часто испытывают моменты, когда их внутренний и внешний миры почти полностью перемешиваются друг с другом. Внутренний мир обращается во внешний, когда кто-то, кто нам близок, делает нечто отвратительное и в этот момент выглядит для нас совершенно безобразным. А внешне становится частью внутреннего в том случае, например, когда вы выходите на улицу неожиданно солнечным и ясным утром, и на душе становится легко, а тело как будто поет. У взрослых частичное отсутствие границ между внешним и внутренним бывает лишь кратковременным. Для младенца это естественное состояние.

Чувства Джоя изменяются вместе с его восприятием мира, в каждый момент создается особая картина движущихся чувств: внезапный всплеск интереса; подминающаяся, а затем спадающая волна голода; приливы и отливы удовольствия. Джой переживает жизнь как последовательность наплывающих друг на друга моментов, связанных друг с другом. Ему пока не ясно, как он переходит от одного момента к следующему, если между ними что-то происходит, то что именно. (А так ли уж понятно это нам?) Но все его чувства сосредотачиваются на каждом моменте, и каждый он переживает весьма интенсивно. Многие из них будут снова и снова повторяться на протяжении его жизни.

Утро. 7.05 Джой проснулся и пристально смотрит на пятно солнечного света на стене за его кроваткой. Из всех вещей, находящихся в комнате, именно пятно солнечного света привлекло его внимание и приковало к себе. В свои шесть недель от роду Джой может видеть достаточно хорошо, хотя еще не вполне совершенно. Он уже в состоянии воспринимать различные цвета и формы. С рождения он обладает сильными предпочтениями в отношении того, на что хочется смотреть и что ему доставляет удовольствие. Возглавляет этот список предпочтений "интенсивность".

Если что-то, подобно пятну солнечного света, вызывает умеренно сильные ощущения, то младенец будет просто очарован им. Все его существо оживится и будет возбуждено, а внимание обострится. Пятно солнечного света - "нежный магнит", притягивающий все чувства младенца.

В этом возрасте ребенка привлекает все, что заключено в четкую рамку. Края солнечного квадрата привлекают глаза к границе соприкосновения светлых и более темных частей стены. Можно сказать, что солнечный свет притягивает его взгляд, но именно края квадрата удерживают его. Для младенца пространство не является непрерывным. Оно напоминает "пузырь", окружающий ребенка на расстоянии его вытянутой руки. Даже слепые дети тянутся к звучащей игрушке, стараются ухватить ее только в том случае, когда она находится в пределах этого радиуса. Как и зрячие, они делят пространство на две части, но делают это с помощью слуха.

В этом возрасте младенцы могут часто уставиться на что-то, как будто их взгляд на самом деле прикован и они вынуждены смотреть на одно и то же место. Иногда это очень беспокоит взрослых. Представьте, что вы держите на руках своего шестинедельного крошку, смотрите на нее, хотите поиграть с ней, а она не сводит глаз с того места на вашем лице, где кончается лоб и начинаются волосы. Вам хочется, чтобы она смотрела в ваши глаза, и вы улыбаетесь ей, пытаетесь поймать ее взгляд. Но улыбка оказывается безуспешной. Вы можете - как это и делают большинство взрослых - продолжить попытки привлечь ее внимание. Но скорее всего она по-прежнему будет пристально и неотрывно смотреть на линию ваших волос. Многие родители интерпретируют этот взгляд в сторону как настоящее отвержение и могут даже отказаться от еще одной попытки установить контакт глазами. Однако это вполне естественное явление для маленького ребенка, которое называется непровольным вниманием...

МИР НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Джой в четыре с половиной месяца

Джой вступил в короткую, но примечательную эпоху своей жизни. Между восьмью и двенадцатью неделями он совершает резкий скачок в развитии. В это время он начинает улыбаться, издает звуки и поддерживает достаточно длительный контакт глазами с другим человеком. Очень быстро, почти внезапно, он становится социальным существом. Его социальные взаимодействия ограничены ситуацией общения лицом-к-лицу, тем, что происходит здесь и теперь, между нами. В такой форме интенсивная социальная жизнь будет длиться примерно месяцев до шести, но способом взаимодействия с другими людьми и понимания их поведения она останется с человеком на всю жизнь. Теперь наиболее привлекательным и волнующим объектом в мире для ребенка становится лицо человека.

Теперь лицо для Джоя - совершенно уникальный мир. Зрительная система младенца устроена так, что смотреть на лица ему приятнее, чем на что бы то ни было. Длительный процесс эволюции снабдил Джоя определенными зрительными предпочтениями. Округлые линии - такие, как щеки и брови - предпочтительнее прямых. Кроме того, ему нравятся резкие контрасты светлого и темного, острые углы, такие, как уголки глаз. Его увлекает симметрия относительно вертикальной оси - зеркальное отражение правой половины лица в левой. А еще теперь, спустя три месяца, его очаровывает движение внутри "рамки" - движение наших губ внутри общего контура лица. Если сложить все эти врожденные предпочтения, в сумме они почти продиктуют нам - ЛИЦО.

Неверно говорить, что младенец обладает врожденным предпочтением к восприятию лица, но он обладает предпочтениями к столь многим из его существенных черт, что получается практически то же самое.

Другое большое событие, которое вводит ребенка в новый мир общения, - это контроль над своим взглядом: способность определять, куда смотреть, на что и как долго. К трем с половиной месяцам ребенок может контролировать свой взгляд почти все хорошо, как и взрослый. Он может начать встречу с мамой, просто взглянув на нее, поскольку она наверняка посмотрит на него в ответ. Затем он может продолжить общение, расплывшись в улыбке, или закончить его, отвернув голову и отведя свой взгляд от ее глаз. В эту эпоху развития ребенка взгляд в глаза друг другу оказывается центральным событием общения, вокруг которого строится все остальное.

Младенцы ведут себя так, как будто глаза являются окнами души в буквальном смысле слова. Начиная с семинедельного возраста они относятся к глазам, как к центру человека. Когда вы играете с ребенком в игру "найди меня!": закрываете и открываете свои волосы и лицо, он демонстрирует почти всегда улыбку; но восторген он бывает лишь тогда, когда видит ваши глаза. Старшие дети иллюстрируют эту психологическую особенность восприятия глаз другим способом. Шестилетняя девочка крикает: "Закрывай руками, и на вопрос "Я могу увидеть тебя?" она обязательно ответит: "Нет!" И этим "нет!" она говорит: "Раз ты не видишь моих глаз, значит, ты не видишь меня". Видеть ее - означает смотреть ей в глаза.

У младенца и взрослого пока нет тем, которые они могли бы обсудить, нет ни прошлого, которое надо было бы объяснять, ни будущего, которое надо планировать. Есть лишь два человека, вовлеченные в общение друг с другом. Единственная цель их взаимодействия - поддержать это переживание. Их общение не является подготовкой к чему-то другому, оно и есть это что-то.

Такое общение будет продолжаться на протяжении всей жизни человека. Однако в определенные моменты оно будет врываться на передний план и заполнять целиком. В один прекрасный день, когда Джой будет подрастать, он заглянет в глаза девочке и долгие минуты будет молча смотреть в них, а все их общение будет состоять из игры выражений лица и изменений дыхания. А пока Джой живет в короткую эпоху мира чувств и непосредственного общения.

От двух до шести месяцев Джой начинает ощущать, что он деятель в этом мире, что он может вызывать те или иные события, что он может быть активным действующим лицом самых разных событий.

Когда он поворачивает голову, видимая часть мира всегда изменяется. Когда он закрывает глаза, в мире всегда становится темно. Когда он двигает рукой, он всегда ощущает это.

Он начинает ощущать себя существом, отдельным от матери существом, начинает ощущать, что у него и у нее разные границы в пространстве и что каждый из них действует и чувствует по-разному. И еще он начинает чувствовать, что обладает приналежащими только ему эмоциональными состояниями, такими, как радость или голод.

В этот период формируется восприятие трех основных типов событий: событий, связанных только со мной; событий другого человека и событий "я вместе с другим". (Именно поэтому, говоря от лица Джоя, я могу теперь использовать в дневнике слова я, мы и она.)

По сути, Джой начинает структурировать свой социальный мир. В этом мире теперь есть отдельные люди, по крайней мере он сам и его мама и папа, а также все, кто регулярно участвует в его повседневной жизни. Когда этот мир создан, ребенок оказывается способен к весьма сложным взаимодействиям лицом-к-лицу с другим человеком.

Как бы чувствительны и ориентированы на ребенка ни были бы взрослые, они неизбежно будут время от времени совершать ошибки и терпеть неудачи. Если эти неудачи будут не слишком частыми, они будут столь же важны для последующего благополучия малыша, как и успехи.

Утро. 9.30. Джой сидит на коленях мамы. Она смотрит на него, но так отрешенно, как будто в своих мыслях находится где-то далеко-далеко. Джой рассматривает ее лицо и наконец находит глаза. Она легко улыбается. Оживившись и подмигнув вперед, Лицо отвечает ей. Теперь сияют оба. Преувеличенно удивляясь, мама склоняется к Джюю, касается его кончиком носа, улыбается и угукая, он пицтит от восторга, закрывает глаза. Мама отстраняется и немного медлит, вызывая нетерпеливое его ожидание, и вновь склоняется к сыну. Удивление и восторг выражены сильнее, но Джой вдруг напрягается и начинает волноваться. Улыбка застывает, выражение лица колеблется между удовольствием и страхом.

Мама не замечает этих изменений и после паузы интенсивнее и игривее приближается к его лицу, громко угукая. Джой мрачнеет. Он закрывает глаза и отворачивается. Мама понимает, что зашла слишком далеко - переиграла. Несколько мгновений она ничего не делает. Потом что-то тихо шелчет ему и тепло улыбается. Медленно он поворачивается к ней.

Он погружаюсь в мир ее лица. Обычно оно наполнено игрой света и воздуха. Но в этот раз все пустынно и блекло. Застыли завитки линий, неподвижны округлые объемы. Где она? Куда исчезла? Мне страшно.

Наконец я нашел. Вся ее жизнь сосредоточена в глазах. Они затягивают меня глубже и глубже. Они влекут меня. Там мощное течение - поток невидимой энергии. Он разбивается об меня, захватывает и увлекает меня за собой. Я зову ее. Я хочу вновь видеть ее лицо.

Как только Джюю оказывается на коленях у матери и смотрит на нее, ее лицо сразу занимает доминирующее положение в его мире. Оно для малыша столь мощный стимул, что особенности его выражения полностью определяют мир ребенка в этой ситуации. Джой вступает в "мир лица".

Начиная примерно с трехмесячного возраста, когда младенцы уже знают, что следует ожидать в ситуации общения лицом к лицу с мамой, они начинают расстраиваться, если она сильно отклоняется в сторону от обычного хода игры. И оказываются совсем сбита с толку, если мама неожиданно поворачивает общение и ее лицо лишается всякого выражения. Младенцы очень сильно реагируют на неподвижные лица. Они осматриваются вокруг, улыбки их угасают, они начинают хмуриться. Дети предпринимают многочисленные попытки указать лицо взрослого улыбкой, жестом и даже голосом. Если им это не удается, они в конце концов отворачиваются и выглядят смущенными и слегка расстроенными.

Джой увидел застывшее лицо своей мамы. Это расстроило его: там, где он ожидал найти живую игру света и воздуха, он увидел оцепенение и неподвижность. Такая ситуация настолько сильна для ребенка, что он может сымитировать ее выражение и последовать за ней в отрешенное состояние. Он не способен понять это состояние, но только улавливает смутное и смущающее его чувство: мама бродит где-то в другом месте, там, куда он идти не хочет. Отождествляя себя с ней, он чувствует, что ее эмоциональная неподвижность и оцепенение заползает в него самого.

Как и взрослые, дети чувствительны к эмоциональному заражению. Мы склонны зевнуть, когда кто-то зевает рядом, так и новорожденные начинают кричать, услышав крик младенцев, лежащих в соседней кроватке. Такое заражение - нечто большее, чем простая имитация. Эмоциональное состояние другого человека как бы захватывает и возбуждает в нас такое же чувство.

Мама Джоя быстро откликается на его зов. Но представьте другую маму, которая постоянно озабочена проблемами своей карьеры или взаимоотношениями с мужем, или другого заботящегося о малыше человека, которые находятся в депрессивном состоянии. Рядом с такими взрослыми дети вынуждены избегать прямого контакта. Они учатся предпринимать чрезвычайные усилия для привлечения внимания взрослых, для того чтобы вывести их из состояния отрешенности.

Как только мама обменивается с малышом этого возраста улыбкой, происходит вот что. Улыбки Джоя и его мамы не совпадают друг с другом. Так и должно быть, поскольку для того, чтобы улыбка успела расцвести на лице, достигнуть своего максимума и угаснуть, требуется определенное время. Улыбка мамы вызывает в ответ улыбку сына. А когда улыбнется он, вновь оживится угасающая ее улыбка. Сохраняя несовпадение по фазе, они продолжают дуэт. Это и есть игра "Догони и поймай", в которую они играют. Поскольку улыбка каждого оказывается и причиной, и результатом улыбки другого, они заканчивают тем, что тянут друг друга вперед: "Мы играем в чехарду, и танец между нами все продолжается".

Такая перемежающаяся структура общения младенца с матерью становится привычной после трехмесячного возраста. Она возникает как при обмене улыбками, так и при обмене словами - лепетом ребенка. Этот простой и веселый обмен оказывается одной из основ социального взаимодействия. Кроме того, Джой может теперь воспринимать себя инициатором действия, направленного на достижение определенного результата. У него есть и чувство себя, как автора собственных действий, и ощущение того, что его действия приводят к предсказуемым последствиям. Он ощущает себя действующей силой в причинной цепочке событий. "Я зову ее, - "говорит" он. - Она отвечает и приходит за мной".

Но вот мама меняет поведение: вместо того чтобы просто ответить на его улыбку, она, словно переключившись на третью скорость, делает слышную заявку на более интенсивное общение. (Обычно взрослые, пытаясь активизировать младенца, разыгрывают такое притворное удивление с большим вкусом.) Результат такого действия обычно бывает драматическим. Ребенок активизируется. Чем большей стимуляцией подвергается младенец, тем сильнее он возбуждается. В данном случае мама Джоя невероятно и резко повысила уровень своего участия в общении с сыном: спокойную улыбку сменило удивление, звук голоса, она приблизилась к Джюю, а он испытал немедленное возбуждение и перестал действовать, отвечать маме. Ему ничего и не надо было делать, кроме как позволять нарастающему оживлению матери ничтожно воздействовать на его отзывчивую нервную систему: "Я быстро сколжу вперед в бездумном восторге".

Новое выражение лица матери - прелюдия к новой игре. Резко бросаясь вперед с необычайно оживленным лицом и играя при этом голосом, она дотрагивается носом до носика малыша и затем отступает назад, затягивает паузу и готовится приблизиться снова. Известно множество игр с младенцами и - "Вот поймай тебя", "Застеконом животик", "Идет кто-то рогатая"... Все они следуют весьма интересной, достаточно сложной модели. Их смысл заключается в простом получении удовольствия, но достигается оно в результате выполнения определенных стимулов.

Каждый ход в игре должен быть достаточно стимуливающим. Он не должен перевозбуждать ребенка, но не должен быть и чересчур вялым, так как в этом случае малышу становится скучно. Младенцы быстро привыкают ко всему, что повторяется. Действие становится привычным, и они начинают скучать. Мама интуитивно превращает игру в тему с вариациями, где каждый повтор отличается от предыдущего в достаточной мере для того, чтобы помешать привыканию малыша и поддержать его интерес. Это часть "интуитивного" родительского поведения.

Просто позарительно, как много всего умеют интуитивно делать родители. Например, разговаривая с младенцем, большинство изменяют интонацию говоря. Они увеличивают высоту своего голоса и замедляют темп речи. Их интонация становится более выраженной и более напевной. При этом они смягчают некоторые звуки: "хорошенький кролик" превращается в "хлосенький клэлик". Они делают это неосознанно и без какого бы то ни было обучения. Даже четырех-пятилетние дети, у которых нет младших братьев и сестер, встретившись с младенцем, неосознанно делают то же самое. Такое поведение не только интуитивно, но и биологически целесообразно.

Младенцы естественным образом предпочитают более высокие звуки, производимые не элизацией сб, с мелодичной интонацией и смягченными согласными. Очевидно, элизация сформировала родительское поведение так, чтобы оно отвечало основным предпочтениям младенцев.

Некоторые дети - и Джой один из них, - по-видимому, любят играть около своего максимума высокого, еще терпимого уровня возбуждения. Это похоже на заигрывание с опасностью. В ходе игры в дотрагивание носом он ощущает маму, играющую лицом и голосом, как возбуждающий и веселящий порыв ветра. Если ему удается устоять под этим порывом и прокатиться на нем, то его скорость и напор вызывают восторженный трепет. Но когда сила ее броска слишком велика, а уровень его возбуждения оказывается вне его контроля, Джой уже не в состоянии справиться с возросшей стимуляцией. Этот порыв снова и снова встряхивает и сотрясает его, и он начинает бороться с ним. Выйдя за пределы своей оптимальной зоны возбуждения, он колеблется на грани потрясения, страха и дезорганизации.

Есть несколько простых способов избежать возможной катастрофы. Простейший из них - это отвернуться и отвести глаза от мамы. Именно это он и делает. Ребенок может выбиться, но что ему смотреть, и в результате возбуждение снижается до приемлемого уровня. Он снова может вернуться в состояние открытости и чувствительности к внешнему миру. Своим действием он посылает сигнал маме, сообщая о том, что ей следует делать дальше. И она этот сигнал принимает.

Родителям и всем, кто имеет дело с детьми, такая постоянная обратная связь необходима для того, чтобы понимать, что им надо делать и когда. Значительная часть искусства быть хорошим родителем состоит в том, чтобы, получив обратную связь, суметь изменить свое поведение.

Мама Джоя действительно стимулировала его чересчур сильно, причем далеко не в первый и не в последний раз в жизни. В любых живых взаимоотношениях взрослого и ребенка это будет происходить неизбежно, когда каждый из участников стремится достичь предела. Невозможно раздвинуть пределы, не достигая их. А когда мы пытаемся их достичь, неизбежно делаем ошибки. Они очень ценны, поскольку помогают младенцам создать свои собственные способы обращения с ситуацией и людей.

Джой сам сообразил со сверхспособью для него стимуляции, и это немалый урок для него. Ошибка его мамы не причинила травмы: Джой позаботился о себе настолько хорошо, что через минуту или две он снова был готов принять приглашение к общению. И его мама интуитивно поняла случившееся.

Они снова вступили в непосредственное общение "лицом-к-лицу и здесь, и теперь, между нами". |

ЧЕТЫРЕ КРИЗИСА | анатолий берштейн ВЕРЫ |

На протяжении всей учительской карьеры мы боимся слишком сильных эмоций в общении

с детьми, ибо они справедливо ведут к большим сложностям во взаимоотношениях с ними.

Но так уж устроено, что наша чаша всегда должна быть наполнена до краев, иначе ничего не получится. За что и век учительский достаточно короткий.

Эмоциональный, “репродуктивный” - лет пятнадцать.

За свою реальную, а не номинальную учительскую жизнь мы переживаем несколько кризисов веры. Первый - кризис веры в детей.

Наверное, первый раз я почувствовал, что устал, ровно через пять лет работы в школе. Я выпустил из своих цепких объятий классного руководителя свой первый класс. Вложил в первенцев все: любовь, душу, энергию, знания, страсть. Но мне не хватило благодарности. Более того, боль и обида разъедали мое хрупкое учительское самолюбие. Почему вообще человек устает делать добро? Потому, что невеликая доля доброты переплавляется в благодарность. Потому что не вся она впитывается, как влага в почву, а ее энергетический ресурс исчерпаем. Или вдруг выясняется, что и не доброта это вовсе. И тогда как будто без видимых причин, совершенно невпопад, всегда не вовремя и не к месту становится грустно. Грустно, грустно. Хочется убежать от людей. Укрыться где-нибудь. Дать возможность им и себе соскучиться. Чтобы потом вновь к ним вернуться. И снова в удовольствие. Как бы в новинку. Пока хватит сил терпеть неблагодарность. Пока вновь не выяснится... Пока снова не станет грустно.

Зачем все это надо мне, если как будто не нужно им? - первый раз этот провокационный вопрос встал уже тогда. Зачем так много растрчивать себя? Ради чего? Ради кого? Всю педагогическую жизнь я хотел быть бескорыстным, но всю жизнь не удавалось. Я хотел получать. Готов был очень много отдавать. Почти все. Но потом получать. Не хотелось быть спонсором чужих жизней, только инвестором: вкладывать, чтобы возвращать сторицей. И вот на какое-то время показалось, что дети неблагодарны и черствы, “нерентабельны”; сработал синдром “выжатого лимона” - страх, что к тебе хорошо относятся лишь потребительски, до тех пор, пока ты нужен, полезен и от тебя что-то зависит, а потом - в отходы. Зародился еще один крайне вредный учительский комплекс - подозрительность. Отныне все последующие ученики должны были платить по счетам предыдущих. На них как бы распространялась презумпция виновности. Появлялись свои “прототипы” (в основном отрицательные), и все дети укладывались в прокрустово ложе старых схем. Учитель пытается страховать себя от повторения ошибок, но совершает еще более тяжелые.

Трудно выкарабкаться из любого кризиса. Первый кризис преодолевается очень тяжело - эмоционально тяжелее, чем все последующие. Но проходит быстро, ибо довольно быстро понимаешь несколько простых истин: в отношении между людьми не так много личного, значительно больше интересов; дети - такие же люди, только неопытные; человеческая природа разнообразна; учитель - тоже человек. А потом, когда немного успокоишься и амнезия на все светлое и хорошее, что связывало тебя с детьми, начинает проходить, появляется стыд и ощущение справедливости, точнее, несправедливости по отношению к детям. И хочется скорее бежать к ним, чтобы заглядеть вину.

После первого кризиса учитель возвращается к детям с новыми силами и, как их честный должник, платит по счетам, стараясь все отработать даже с лихвой. Ему кажется, что он все осознал, что впереди длинная и счастливая жизнь в общении с детьми. Но он ошибается.

Второй кризис, который испытывает учитель, - это кризис веры в педагогику. Если в начале работы для многих молодых учителей главное - личные отношения с детьми, детская любовь, самоутверждение, то в дальнейшем важны “профессиональные результаты”: сколько детей поступило в вуз, сколько не село в тюрьму... Но хочется большего - влиять на судьбу, менять сам вид.

Человека изменить нельзя - к такому выводу приходишь не сразу, но неизбежно. Я ни разу не видел, чтобы человек изменился, точнее, стал другим. А если с ним и происходили серьезные метаморфозы, то под влиянием жизненных обстоятельств, а не школьного (в широком смысле) воспитания. Учителя, родители лишь часть (временная) этих обстоятельств. Они влияют на судьбу, но на самого человека вряд ли; если только разовьют то, что в нем есть от природы. Человек - не таблица Менделеева, у каждого свой набор элементов. Иногда после долгих лабораторных изысканий удается создать что-то искусственное, но, как правило, живет это очень недолго. Поэтому задача воспитателя - найти все мало-мальски лучшее, что есть в ученике, и всячески способствовать развитию. Заботиться об обстоятельствах, в которых он созревает. И, несмотря ни на что, противодействовать дурному. Победить не победит, но разгуляться не даст. (Самый главный вопрос воспитания - насколько оно сильно и на что реально способно, насколько педагог реконструктор, а не реставратор, то есть что он может (или не может) создать, а что - только восстановить, снимая слой за слоем с человеческого шедвра наросты дурных влияний.)

Разочаровавшись во всеильности воспитания, из педагогики уходят талантливые, но излишне честолюбивые люди, которые хотели бы быть всемогущими, но после серии неудач потеряли интерес к профессии, которая вдруг оказалась такой земной, и даже в чем-то не очень благородной. И вот настоящее крушение иллюзий. Понимание того, что ты не волшебник, что тебе не дано рукотворить, что есть наследственность, семья... А следовательно, опять все тот же вопрос: зачем силы понапрасну тратить, если ты ничего вместе со своей педагогикой не в состоянии сделать?

И снова проходит время, пока не прояснится, что педагогика повседневного, постоянного присутствия, ежедневной рутинной душевной работы, педагогика малых дел, педагогика процесса - это не удел нетерпеливых и амбиционных. Педагогика априори неблагодарное занятие. Лавры достаются не тренеру, открывшему талант и давшему первые знания, а тренеру чемпиона и самому чемпиону. Истинная педагогика бескорытна; тщеславным людям, ожидающим в награду благодарности, в ней делать нечего. И вообще у педагогики не те масштабы, где надо самовыражаться. Педагогика, воспитание - это незаметное, камерное, служивое дело. Нам положено трудиться... Служить - медленно и постоянно.

Истинное воспитание вообще частенько вдалеке от педагогики и добывается результатов не благодаря, а вопреки последней. Воспитание без педагогики, искусство возможного и неблагодарное дело - именно через понимание этих новых истин преодолевает учитель еще один кризис.

Но очень скоро поджидает следующий удар. Ведь теперь, когда педагогика посрамлена и пренебрежительно отставлена, остается рассчитывать только на себя. А кто ты такой?! С годами самоуверенности и самовлюбленности значительно убавляется, и рано или поздно наступает кризис веры в себя.

Сначала устаешь от ответственности. Ведь как ни убеждать себя, что от тебя ничего не зависит, на самом деле зависит многое, и пресловутое “не навреди” преследует учителя всю его учительскую жизнь. В какой-то момент обязательно возникают сомнения, что все педагогические неудачи - не по вине детей, не от ущербности педагогики, а от собственных промахов и неумений, от того, что ты не талантлив и именно тебе Бог не дал способности по-настоящему любить, творить, быть веселым и коммуникабельным, добрым, терпеливым и отзывчивым. В общем, начинается длительный и болезненный период самоговора (иногда не без оснований и не без пользы), и многие учителя, окончательно разочаровавшись в себе, уходят на время или навсегда из школы.

Некоторые преодолевают и этот кризис, хотя без потерь его не пережить. И тот, кто останется с детьми, сохранив способность приносить пользу и получать хоть какое-нибудь удовольствие от своего труда, сможет добиться этого только с помощью самих детей. Только дети на этой стадии учительских переживаний могут поддержать нас, заставить поверить в себя и избежать печальной участи неудачников.

И уже в сумерках учительской карьеры начинает вырисовываться и приобретает огромные, устрашающие размеры еще один, на этот раз последний кризис - кризис веры в Смысл. Это не только непосильный груз накопившейся огромной усталости и прогрессирующих сомнений. По сути, это глобальный системный кризис неверия и в себя, и в педагогику, и, конечно, в детей. Все кризисы преодолеваемы, кроме последнего.

Такая недолговечность учительства связана еще с одним обстоятельством: школа это проходной двор не только для детей - вошел, получил знания, опыт и вышел - но и для многих учителей. Нельзя реализовать себя, ходя по кругу, повторяя из года в год одно и то же. Талантливые люди, приходящие в школу, или “растут”, развиваясь внутри системы, меняя амплуа и формы деятельности, или уходят, исчерпав себя на этом поприще. Конечно, есть примеры мудрого и счастливого учительского долголетия тех, кто нашел скромное свое дело и в нем успокоился.

Длинная учительская судьба состоит из нескольких педагогических жизней. От того сколько в каждую вложено любви и труда, сколько надежд, ошибок и сомнений - зависит педагогическая реинкарнация. В результате кто-то потом в умилении рассматривает старые фотографии, вспоминая далекое учительское прошлое, а кто-то, как и двадцать и тридцать лет назад, аккуратно расписывается в ученических дневниках, задерживается после работы на дополнительные занятия и берет на дом на проверку увесистую пачку детских тетрадок.

...Когда же заканчивается профессиональная жизнь учителя? Когда, как и у всех, подступает пенсия в положенный срок или много раньше, когда, вдруг понимаешь, что не осталось больше эмоциональных сил, что много делаешь по инерции и мало что тебя волнует. Когда чувствуешь, что чем меньше дети “пристают” к тебе, тем лучше, а не дай Бог полюбят - беда, ибо ответить им нечем. Эмоциональный резервуар пуст, и ресурс его пополнения исчерпан. Все в прошлом. Закончилось. Иссякло. |

СОХРАНИ СЕБЯ ЖИВЫМ

татьяна горюнова

горюнова татьяна - собиралась на геологию и журналистику - за романтикой и путешествиями, а очутилась на факультете психологии МГУ. И все еще учится: у классиков, своих студентов, клиентов, детей: сыну - 16 лет, дочке - 14.

Копаясь в архивах, в старых научных журналах я обнаружила результаты уникальных исследований, проводимых в двадцатые годы в России, когда рождалась наука об учителе - дидаскология. Поставив перед собой задачу понять структуру учительского труда и особенности личности педагога, в СССР в двадцатые годы работало несколько исследовательских коллективов, включавших специалистов разного профиля: врачей, философов, психологов, самих педагогов, психотехников. Книги с результатами их исследований вынесли из спецхранов только в 1985 году, так я и открыла имена В.Кашкадамова, Т. Маркарьянова, М. Рубинштейна, А. Шафрановой. Суть их работ состояла в описании процесса учительской деятельности. М. Рубинштейн писал: “Прежде всего, необходимо избавиться от устаревшего предрассудка, что какое-либо педагогическое заведение может выпустить готовых завершенных педагогов. Ожидание учителей, что их кто-нибудь подготовит, что им дадут всемогущие правила и наставления со стороны, ожидание рецептов - это лишний шанс на тяжелые неудачи и разочарования”. Главный вывод исследований двадцатых годов: задача учителя “сохранить себя живым в условиях, когда нет никакой культурной и профессиональной поддержки”. Работу учителя часто называли подвижничеством. “Мы можем сказать, что организованная в прежнем виде педагогическая система была местом для воспитания аномальностей учителя и создавала учительский невроз”, - писал тогда Лев Выготский. Психологи А. Шафранова и М. Рубинштейн писали о профессиональной деформации личности учителя, к которой приводят огромные нагрузки на нервную систему и эмоциональную сферу. Застой, педантизм, формализм, привычка рассуждать вслух, упрощенность речи и мышления, наивный подъем, напыщенность приводят к сужению кругозора, а то и к полной потери личности. Перегрузки часто не осознаются учителем. Бесперывное творчество, внеурочная работа над собой и предметом, постоянное “включение волевого импульса”, невероятное количество требований, частые неспецифические эмоции - все это не проходит бесследно.

Как и в двадцатые учительскую профессию сегодня неизбежно сопровождают раздражительность, тревожность, зашкаливающая взволнованность, чувство безнадежности, бессмысленности своего дела, своей жизни, постоянное переживание чувства вины. Как и прежде, точны советы М. Рубинштейна, который в 1927 году писал о том, что учителю важно развивать в себе умение “вживаться в чужую психику, даже перевоплощаться, но не растворяться в ней”, “стоять выше, но не ставить себя выше других”. Термин эмпатия, как знают многие читатели, был введен значительно позже. Спустя пятьдесят в лет в США появился термин “burnout”, буквально переведенный как “эмоциональное сгорание”. |

**ПРАВИЛА
ВНУТРЕННЕГО
СГОРАНИЯ***светлана кривцова**– преподаватель и выпускница факультета психологии
МГУ, кандидат психологических наук, научный
руководитель центра социально-психологической
адаптации “Генезис”*

История открытия и последующего изучения феномена эмоционального сгорания учителя - редчайший случай, когда результаты психологического исследования повлекли за собой огромные революционные изменения в образовании и социальной жизни нескольких стран мира.

На рубеже шестидесятых - семидесятых годов в большинстве образовательных систем мира существовали в целом похожие отношения между учителями и учениками - это были статусные отношения: "Я учитель и поэтому имею право - ты ученик и поэтому обязан". Но учителя всегда страдали из-за невозможности выйти за рамки своей роли, которая не предусматривала дружеских отношений с учениками.

Конец шестидесятых - время значительных социальных изменений на Западе. Эпоху маккартизма сменила эпоха Пола Маккартни и Джона Леннона. В США набирает силу гласность. Появляются герои, отстаивающие необходимость откровенного разговора на табуированные темы. Дух свободы: рок-концерты, "Битлз", увлечение Востоком, хиппи, Вудсток... 68-й год. И как результат - молодежные бунты. В советской прессе их называли "протестом против империализма". Изнутри же они были поняты по-другому: выступление молодых людей, учеников различных учебных заведений свидетельствовало о серьезном кризисе в образовании. Правительства разных стран, в том числе и США, выделили немалые суммы на изучение этого кризиса.

Часто на лекциях я спрашиваю учителей и психологов: кто центральная фигура в образовании, и, как правило, слышу в ответ: ученик. Но разве в центре не тот, от кого зависит, например, результат образования? Вот и американские исследователи решили начать с изучения именно учителя. Появился термин "эмоциональное сгорание", было признано, что его симптомы есть у всех специалистов помогающих профессий, у всех, кто ежедневно сталкивается с болью, надеждами, отчаянием, страхом: у врачей и медсестер, у социальных работников, полицейских и, конечно, у психотерапевтов. Но первыми были учителя.

Феномен "эмоционального сгорания" был впервые описан американским психотерапевтом Freudenbergerom, за ним появилось множество работ в разных странах. В нашей стране эти исследования в конце восьмидесятых начаты Н. Аминовым. Суть их примерно следующая. Молодые люди, выбрав профессию учителя по самым разным мотивам - любовь к детям, желание "сеять семена культуры в их нежные души", - уже в вузе оказываются поставленными в отношения, которые формируют у них модель, в которой любовь к детям хоть и имеется в виду, но никак не должна проявляться. Отношения с детьми заслоняются методикой преподавания предмета и навыками установления дисциплины. В школе честные молодые преподаватели по-прежнему стараются удовлетворять существующим требованиям и... через достаточно короткое время начинают "сгорать". Их неоправданные ожидания проявляются в ироничных и даже ернических высказываниях в адрес школы и своей работы, в хронической усталости, в нежелании повышать квалификацию; очень скоро возникают самые разные болезни, невроз...

Сравнивая развитие "феномена сгорания" у учителей престижных частных школ Англии и государственных школ центра Австралии, исследователи Пирс Марк и Джеффри Молли выяснили, что "скорость сгорания" не связана с оплатой труда учителя. Незначимыми оказались также "уровень интеллекта" и "объективная трудность биографии". "Сгорали" и умные, и обыкновенные, и благополучные, и битые судьбой люди. Все зависело только от одного фактора - от готовности человека брать на себя или отдавать внешним обстоятельствам ответственность за все происходящее в жизни. Психологи назвали эту готовность уровнем интернальности-экстернальности. Интернальность - готовность находить выход в безвыходных ситуациях - вообще считается основным фактором, помогающим человеку выжить. Она не зависит от возраста, но всегда характерна для лично зрелых людей. Перекалывание ответственности на внешние обстоятельства свойственно людям инфантильным, зависимым, ищущим опору в ком-нибудь более сильном.

Психологи утверждают, что к эмоциональному сгоранию быстрее всего приводит позиция учителей, которые верят и следуют четырем мифам:

1. Мне нельзя ошибаться.
2. Я должен быть сдержанным.
3. Я не имею права быть предвзятым.
4. Я обязан быть во всем примером для подражания.

Такой учитель словно стоит на пьедестале своей исключительности и непогрешимости. Ему трудно расслышать детей, он напоминает высшую инстанцию, которая ведет за собой или карает. Такой взрослый строит с ребенком вертикальные, субъект-объектные отношения. Неравные отношения. Причем и сам учитель находится в позиции объекта по отношению к администрации и членам аттестационных комиссий. Со времен студенчества учителя приучили к таким двойственным отношениям, приучили к роли "препарата на предметном стекле" - объекта педагогических воздействий. Вертикально ориентированная система образования и позиция учителя как образца, не имеющего права на ошибку и собственные чувства, создают невыносимые условия и для взрослого, и для ребенка.

К началу семидесятых годов гуманистическая психология и психотерапия завоевав признание в мире, отстаивали идеи равного субъект-субъектного подхода к человеку и недирективной манеры общения. В 1975 году вышла монография лидера гуманистического направления Карла Роджерса "Свобода учения". В ней он впервые сделал попытку онтологизации таких расплывчатых понятий как атмосфера в классе, отношения, доверие, поддержка. Педагогика, в которой были "я - учитель", "они - мои ученики", стала педагогикой, в которой "я - учитель" и "ты - мой ученик". А результат такого сотрудничества определялся теперь не столько тем, кто есть "я" или "ты", сколько тем, что происходит между нами. Отношения, взаимодействие учителя и ученика стали самостоятельной областью изучения при подготовке учителей.

В 1975 году Томас Гордон выпустил монографию "Teacher Effectiveness Training" ("Систематический тренинг учительской эффективности"), в которой впервые дано определение конструктивного и неконструктивного взаимодействия взрослого и ребенка, описание "плохого" и "хорошего" контакта учителя и ученика, когда ни один из учеников не теряет ни грамма внутренней свободы. Впервые стало возможным обучение педагога пониманию и "использованию" своих эмоций и эмоций ученика.

Немалая группа учителей игнорирует эмоции, чувства учеников, а потому, естественно, вызывают враждебность детей. Свои собственные чувства таким взрослым также непонятны. Как правило, они неискренни, за исключением случаев, когда осуждают кого-то. Есть взрослые, откликающиеся на чувства детей, но лишь на те, которые сами и приписывают детям. Свои позитивные чувства они проявляют редко. Лишь учитель, принимающий свои чувства, может искренне реагировать на глубинные, скрытые чувства ученика, помогая тем самым осознать, что ребенок чувствует. Причем, даже его отрицательная реакция не унижает ученика.

Профессиональная работа с собственными эмоциональными проблемами до сих пор удел подготовки психотерапевтов. Как клиенты, они проводят десятки часов у собственного терапевта. Работа с предубеждениями, с собственными страхами и неуверенностью, со смыслами, которые суть самого понятия "помощь людям", - все это напрямую определяет качество и успешность ежедневной профессиональной работы психолога, психотерапевта. Но ведь в не меньшей степени - и учителя! Но, увы, в профессиональной подготовке российского учителя проработка этих проблем не значится вовсе.

Десятилетия статусной педагогики на фоне идеологизации общества, затем десятилетие гласности и обращение к демократическим ценностям, и результат - кризис образования. Все это так похоже на нашу жизнь. И то, что высокие зарплаты учителей частных школ не спасают их от эмоционального сгорания, и жадный интерес к вопросам психологии отношений между учителями и учениками, учителями и администрацией, - все это только подтверждает необходимость пусть не впрямую, но ассимилировать тридцатилетний опыт западной педагогики.

Дети, наши ученики, сильно изменились за эти годы. Учитель вынужден ценой своего психологического и соматического здоровья отвечать за неработающие концепции, несовершенство менеджмента в образовании, за недостатки вузовской подготовки. Он, как солдат без тыла - один на один перед новым поколением, перед подростковой наркоманией, растерянностью многих родителей, детской агрессией, страхом перед жизнью. И своим собственным. |

ЛОВУШКА ДЛЯ ТЕХ, КТО "НИКОГДА НЕ ОШИБАЕТСЯ"

Екатерина Михайлова
- психотерапевт, ведущий научный сотрудник института
групповой и семейной психотерапии

В какой-то момент вы замечаете, что в пике ситуации, когда надо действовать, у вас возникает странное равнодушие и даже желание повернуться и уйти. Врачу хочется отложить скальпель посреди операции. Бизнесмен, который ведет деловые переговоры, вдруг перестает слышать собеседника и ловит себя на мысли: скорее бы конец. Учителя посещает фантазия: прогулять бы сегодняшний день. Однажды подобное чувство испытал каждый. Но если оно повторяется вновь и вновь, профессионал с ужасом обнаруживает: то, что вчера ему было интересно и важно сделать хорошо, сегодня становится безразличным и, более того, начинает отталкивать. В высказываниях о работе появляется обесценивание ее значимости, цинизм. В тоне разговора все чаще слышатся нотки раздражения, все больше звучит критических замечаний, время от времени всплывает тема неблагодарных учеников, клиентов, пациентов. Человек становится конфликтным, трудным для своего окружения.

Почувствовав это, понаблюдайте за собой. Не слишком ли велика ваша нагрузка? Возможно, вас тяготят не только профессиональные дела, но и другие обстоятельства? Спросите себя: не слишком ли долго я делаю одно и то же?

Иногда люди меняют сферу деятельности - например, уходят из государственной школы в частную, в школу со своей идеей, особенностями. И причина не только в деньгах. В этом случае учитель меняет мотив деятельности, у него появляется иной интерес к делу, и ему становится легче.

Почему не так часто "горят" домашние хозяйки? Они в свою крайне монотонную, занимающую 12 часов в сутки работу ухитряются вносить моменты неожиданности, творчества. Скажем, передают друг другу кулинарные рецепты. Зачем, ведь эти женщины и без того прекрасно готовят. Но им важно внести в работу чуть-чуть новизны, волнения: получится или нет? Либо ей кажется, что вот сюда, на эту кухонную табуретку, нужно сделать лоскутный коврик. Известно, что самые преданные делу педагоги, которые прошли все зоны риска, бывают потрясающе творческими людьми при подготовке различных праздников, внеклассных мероприятий, общешкольных дел. Что они для них? Тот же лоскутный коврик - возможность получить радость творчества, оказаться в другой роли. Если вы способны к самообновлению, экспериментированию, новому взгляду на свою работу, сгорание может и не случиться.

Степень риска зависит и от того насколько человек "самоизолируется" от внешнего мира. Когда профессионал много времени проводит на работе, скажем так, укоренен в своем коллективе, естественно, что, горит не он один. Это массовое явление. Поэтому абсолютное погружение в реальность, где есть только коллеги, опасно. Ищите возможность разомкнуть этот круг используйте любые неформальные профессиональные встречи, участвуйте в конференциях, встречайтесь с людьми с другого опыта, с теми, кто работает в других системах...

Очень помогает учеба. Всякое ученичество дает ощущение более широкого мира, чем тот, который существует внутри профессионального, и гораздо менее ответственную позицию ученика. В ней можно удовлетворить потребность получать, а не только отдавать.

Для помогающих и образовательных профессий характерно такое из переживание: люди очень устают, уже на четвертом году работы, а на пятнадцатом - тем паче грузом на них давит постоянная необходимость что-то выдавать: учить, лечить, консультировать. Как сказала мне одна доктор: ну почему все время им и им. И всегда я и я?

В разных сферах деятельности существуют свои специфические меры защиты. Например, в католической практике тем, кто хочет посвятить себя служению религиозным ценностям, стать, например, миссионером, духовные наставники дают испытательный срок. Это делается не только с целью "профотбора", а для того, чтобы представление о себе человек смог проверить реальностью.

В психотерапии существует институт супервизии. Он вовсе не похож на участие проверяющих на открытых уроках в школе у нас не бывает разборов полетов, хотя мы тоже обсуждаем проделанную работу. Но нас обязательно будет интересовать еще и что человек хотел при этом, чего боялся? Почему, как ему кажется, совершил ошибку?

В других областях подобного опыта может и не быть. Но в окружении любого специалиста, тем более, представителя помогающих профессий, непременно должен быть кто-то (коллега, друг), с кем можно говорить о трудных ситуациях, случаях, о своем состоянии как профессионала.

Лучше "горят" те, кто ассоциирует свою работу с предназначением, миссией. Среди психотерапевтов это называется "комплекс спасателя": вмешаться и исправить, спасти! Само по себе намерение хорошее, но доказано, что человека, который не осознает в себе этот мотив, обязательно затянет в воронку: "я не могу ошибиться". Более того, такой профессионал бросается на амбразуру гораздо чаще, чем это нужно и полезно тем, ради кого он работает. Врачи такого склада позволяют звонить себе в любое время. Учителя до ночи задерживаются в школе. Стирается всякая граница между профессией и частной жизнью. Даже самый равнодушный учитель все равно берет тетрадки домой, а уж неравнодушные и подавно. Они берут не только тетрадки, но и все дела, мысли, проблемы. Эти люди готовы 24 часа в сутки быть учителями или психотерапевтами и в конце концов загоняют себя в ловушку чрезмерной эмоциональной и мыслительной вовлеченности в работу...

Состояние, когда человек непрестанно думает только о работе - один из симптомов эмоционального сгорания. Это состояние не сразу начинает ощущаться как некомфортное. Тем оно и коварно. Заметив за собой трудовую зависимость, задайте простой вопрос: я это делаю по своему свободному выбору? Потому что я так хочу? Или потому, что я не могу остановиться, не знаю, что другое я бы могла делать? Ответьте честно: является ли для вас работа наркотиком? Если да, прогноз такой: как всякий наркоман, вы будете увеличивать дозу. Раньше или позже станете свою работу выполнять не лучше, а хуже. Значит, вам необходимо научиться отвлекаться, выходить из профессиональной роли. В конце концов, можно воспользоваться самым тривиальным способом снятия стресса - физической нагрузкой.

С трудовым гонимом можно бороться, как с любой другой зависимостью. Разница будет лишь в том, что человека, который бросил пить, обязательно кто-то вознаградит - друг или жена скажет: молодец, у тебя сильная воля. О человеке, который перестал быть трудовым гонимом, как правило, говорят: сошел с дистанции. Мы не отдаем себе отчета, насколько жертвенность и героизм распространены в нашей культуре. Все мы воспитаны на том, что сгореть на работе почетно, человек, получивший инфаркт на посту - герой. Простая мысль - себя надо беречь хотя бы для того, чтобы долго и хорошо работать, - почему-то не приходит нам в голову.

Нельзя входить в профессию с установками высоких стандартов гиперответственности, нельзя соединять личностную и профессиональную самооценку - иначе человек нарушает свою целостность. Он пытается работать скорее как придуманный, нежели реальный человек. К примеру, он не использует своих недостатков, не умеет реализовать, например, свою агрессию.

Как ни парадоксально, синдром эмоционального сгорания - это наша психологическая защита. Мы будем ближе к истине, если на первые симптомы сгорания посмотрим не как на ужасную опасность, которая непременно подстерегает каждого профессионала, а как на знак, который дается для того, чтобы рост личности и ее профессиональный потенциал защитить. Как будто нам говорят: осторожно, стоп, не надо.

Если говорить о зрелых, состоявшихся профессионалах, то они сгорели, и не раз. Это не значит, что после первого раза от них остаются одни уголки. Люди восстанавливаются. И это тоже не навсегда. Потом, на другом этапе, опять обнаружиться тревожные признаки. Настоящий профессионал, если угодно, обязан иметь в своей профессиональной биографии эти пресловутые кризисы и признаки сгорания. Они - вестники того, что человек созрел для роста, для развития, что в его жизнь просятся изменения. Да, эти толчки происходят в неприятной, подчас пугающей форме. Но любой, кто об этом подумал и вспомнил их на своем профессиональном пути, в биографии наиболее уважаемых коллег, подтвердит, что сигналам начинающегося сгорания в конце концов говоришь спасибо. |

Я И МОЙ ХАРАКТЕР: КТО КОГО?

Мы живем, постоянно балансируя между "какие мы все разные" и "какие мы похожие". Мы распознаем друг друга по параметрам физиологическим и эмоциональным : темперамент, разная сила и темпы реакций, разный уровень энергетики; одни люди выносливы, другие нет, одни ранимы, другие "толстокожи", одни подвижные, другие очень медлительные. Но есть параметры другого уровня – ценностно–смыслового: жизненные приоритеты, ценности, критерии, цели. И, наконец, между этими двумя уровнями, скажем так – физиологическим и этическим – существует достаточно большая область, которую в отечественной психологии относят к сфере характера. Люди отличаются по характеру.

Слово "характер" происходит от латинского слова "character" ("высеченный из камня"). В школьной и обыденной жизни упование на несносный характер – своего рода вечный стрелочник, на которого так удобно сбрасывать ответственность. "Такой вот у меня скверный характер", – язвит подросток. "Ну – ну, характер решил показать", – вторит взрослый. То есть сам-то ни в чем не виноват – просто с характером не повезло. Такая данность, вроде цвета глаз или горбинки на носу. Характер не выбирают?

Вот, например, подростки коллекционируют книги по искусству. Зачем они им? А вот зачем. Один обожает приглашать к себе домой одноклассников, чтобы похвастаться новой книгой, собственно, для этого он их и собирает. Он полагает, что это престижно, это повышает его статус в глазах одноклассников. Другой тоже собирает книги по искусству, но его мотивация совершенно иная: он понимает, что такая литература никогда не теряет своей рыночной стоимости. Это и капитал, и способ инвестиций, и сохранения вкладов. Ну и, кроме того, фолианты с репродукциями – это не кулинарные книги; вещь знаковая – признак достатка и респектабельности. И лишь третий собирает книги просто потому, что искренне любит их читать и рассматривать. Можно предположить, что у всех трех подростков разные типы характеров. Они могли бы собирать спичечные коробки, банки из-под пива, все что угодно, – но мотивы их оставались бы одними и теми же: коммуникативными у ребят с одним типом характера, материальные – у подростков с другим типом, познавательные – с третьим.

Психологи, занимающиеся проблемой характера, считают, что менее 40 процентов взрослых людей имеют сбалансированный характер – гибкий, устойчивый к стрессам, с невысокой чувствительностью и умеренной тревожностью. Кстати, автор этого предположения известный психолог и психиатр, Карл Леонгард, полагает, что творческие личности, например, учителя, не могут иметь сбалансированного характера.

У подростков сбалансированный характер встречается крайне редко. У большинства тинэйджеров отдельные черты характера чрезмерно усилены (психологи говорят о таких особо усиленных чертах вслед за К. Леонгардом как акцентуация характера), появляется избирательная уязвимость в одних ситуациях и невероятная устойчивость в других. Иными словами, для человека, имеющего определенную акцентуацию характера, бывает психологически трудно переносить некоторые ситуации. Он чувствует растерянность, неуверенность, терзается сомнениями, теряет работоспособность, в то время как в других ситуациях он, напротив, чувствует себя адекватно или даже испытывает прилив сил и бодрости.

Известно два подхода к индивидуальным различиям человека. Один – так называемая теория черт – описывает индивидуальность как мозаику, слагающуюся из различных элементов. Он признает уникальность человека, неповторимость и множественность составляющих его характеристик, черт, но при этом страдает эклектичностью и отсутствием целостности. Другой подход – теория типов – предлагает цельное непротиворечивое и узнаваемое описание типа характера. Разумеется, количество типов ограничено, что дает возможность узнать себя в одной из классификаций, или увидеть отдельные стороны своего характера. Один из мастеров подростковой психотерапии Андрей Личко описал одиннадцать простых и двадцать смешанных типов характеров, – но при этом мы можем говорить о том, что разнообразие людей вовсе не исчерпывается тридцатью одним типом характера.

Акцентуация – усиление характера в какой-то степени делает его предсказуемым. При определенном наборе условий, подростки одного типа характера всегда проявляют сугубо специфическое поведение. Вот, например, гипертимный характер (мы подробно рассказывали о нем в первом номере журнала). Это активные, выносливые, оптимистически настроенные люди, улыбчивые и располагающие к себе, жаждущие новых контактов, не боящиеся неопределенных заданий, склонные полагаться на собственные силы... Но и для этих сильных, внешне благополучных характеров есть ситуации совершенно невыносимые. Например, когда гипертим страдает, когда лишен возможности широких контактов со сверстниками, не может проявить инициативу; или находится в ситуации вынужденного одиночества, монотонной работы, требующей аккуратности и тщательности. Но самое непереносимое для него – жестокий, мелочный контроль, отсутствие аванса доверия, запрет взрослых на самостоятельный поиск. Вообще ситуация чрезмерной опеки для гипертима особенно травмирующая.

Для других типов характера также есть ситуации, в которых подросток чувствует себя некомфортно, и непременно начинает протестовать. Формы протеста у подростков с разными характерами – разные. Гипертимные подростки, например, взрываются гневом, их агрессивность всегда направлена во вне, на окружающих людей, на вещи. Их протест всегда действенный. Он нуждается в поступке. Они могут убежать из дома, решиться на противоправное поведение, но и протестуя, они будут все равно искать команду, в которой станут лидерами, искать себе группу поддержки, которую будут организовывать для решения своих неконформистских задач.

Зависимость от "точки наименьшего сопротивления" очень портит жизнь молодым людям, тинэйджерам. В значительной степени особенности их характеров связаны как с психофизиологическими особенностями организма, так и со стилем воспитания в семье, со средой, формирующей стереотипы и навыки поведения. Известно, например, что в школу для слепых приходят дети с самыми разными характерами, а у выпускников тип характера, как правило, единообразен – застревающий, вязкий, ибо сама методика обучения, социализация слепых формирует такое поведение.

Взрослея, подростки понимают, что характер изменить чрезвычайно трудно, но делают, как правило, два очень разных вывода. Один можно сформулировать так: "Теперь я знаю, кто виноват во всех моих ошибках. Я ничего не могу изменить, потому что характер получен по наследству. Я – законченный неудачник". Другой же вывод совершенно иной: "Я больше, чем мой характер. Мой характер – только часть меня". Принятие того, что нельзя изменить и что изменить можно, процесс заключения дипломатического договора со своим собственным характером – важнейшая составляющая кризиса юношеской идентичности. "Мой характер – лишь инструмент, свойства которого я могу знать или не знать, изучать их или не интересоваться ими. Я могу использовать этот инструмент по назначению для решения моих собственных задач, которые ставит не характер, а нечто большее – я сам".

По мнению ряда исследователей, примерно у 40 процентов людей акцентуации ослабевают, как бы прячутся, годам к тридцати – тридцати пяти. Но когда компромисс между характером и личностью вроде бы найден, акцентуация может вернуться. Как правило, в стрессовой ситуации личность вновь стоит перед подростковой дилеммой: "Я и мой характер, кто кого?". Психологи не случайно говорят, что в сорок лет вряд ли можно оценивать человека только по его характеру. На первый план выступают другие более высокие уровни функционирования личности: ценности, цели, моральные аспекты определяющие выбор линии поведения личности.

Когда в классе перед учителем тридцать пять, а то и сорок подростков, с разными акцентуациями характера, учитель невольно создает ситуацию "точки наименьшего сопротивления", своего рода амортизации различных характеров, их нивелировки. При этом ситуация может быть нейтральной для всего класса и даже благоприятной, но несколько ребят или даже один подросток могут воспринимать ее как очень тяжелую или даже невыносимую. Зная типологию характеров подростков, некоторые межличностные конфликты можно предусмотреть. И мы можем попытаться найти ключ к каждому подростку, понимая, что стоит за его вызывающим, или виноватым, или равнодушным: "А у меня – такой характер." |

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ С "ЛЁГКИМ" ХАРАКТЕРОМ

Помните чудесный фильм Феллини "Ночи Кабирии"? Незабываемый финал: героиня Джульетты Мазини - маленькая уличная проститутка с детской незащищенной душой, трогательная и смешная отдала любимому человеку не только сердце, но и все свои сбережения. А тот... удрал. И вот она в слезах, не разбирая дороги, идет вдоль крутого берега реки... Нам кажется, что вот сейчас она не выдержит и... Но раздаются звуки музыки, навстречу героине идет веселящаяся толпа, атмосфера праздника подхватывает ее, высушивает слезы, и вместе с танцующими мы видим в последних кадрах фильма ее счастливое лицо...

У героини Джульетты Мазини легкий, или лабильный характер. Такой тип характера с его сверхчувствительностью к внешним событиям демонстрирует, с одной стороны, незащищенность и ранимость, а с другой - потенциальную готовность к эмоциональному возрождению. Душевная непотопляемость - самая сильная черта лабильных подростков. Однако проявляется она только в критические моменты жизни. Все остальное время лабильный характер кажется легким только окружающим, но не самому владельцу.

ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ подростка с лабильным типом характера - крайняя изменчивость настроения. Эмоциональные перепады свойственны всем подросткам, но у лабильных подростков настроение может меняться слишком часто и чрезвычайно круто. От настроения данного момента зависит и сон, и аппетит, и самочувствие, и трудоспособность. Поводы для этих перемен могут быть ничтожны: кем-то нелестно сказанное слово, неприветливый взгляд, некстати начавшийся дождь, оторвавшаяся от костюма пуговица способны погрузить в мрачное и унылое расположение духа при отсутствии каких-либо неприятностей и неудач. В то же время приятная беседа, интересная новость, мимолетный комплимент и, самое главное, обсуждение пусть малореальных, но заманчивых перспектив могут поднять настроение, отвлечь от действительно серьезных неприятностей, пока те снова чем-нибудь не напомнят о себе.

ОТНОШЕНИЕ К СВЕРСТНИКАМ И МИРУ В ЦЕЛОМ. Если настроение испорчено, хочется побыть одному или вместе с близким человеком. Если настроение веселое, то появляется желание оказаться в компании, шумном обществе, на людях. Соответственно настроению меняется и отношение к своему будущему: то оно расцветается самыми радужными красками, то представляется серым и унылым. И прошлое - то цепь приятных воспоминаний, то длинная история, состоящая из неудач и ошибок. Одни и те же люди то милые и интересные, то вдруг кажутся надоевшими, скучными, наделенными всяческими недостатками.

Такие подростки преданны в дружбе. Они ищут тех, кто в минуты недовольства может отвлечь, утешить, рассказать что-нибудь интересное, приободрить, убедить, что все не так страшно. Но в то же время, в минуту душевного подъема друг должен уметь откликнуться на радость, удовлетворить потребность в сопереживании.

ОТНОШЕНИЕ СО ВЗРОСЛЫМИ. Немотивированная смена настроения иногда создает впечатление поверхностности и легкомыслия. На самом деле подростки с таким типом характера способны на глубокие чувства, на большую и искреннюю привязанность. Это проявляется и в отношении к близким, но лишь к тем, кто сам любит подростка и участвует в его судьбе. Привязанность к таким людям сохраняется, несмотря на легкость возникновения ссор.

Им хорошо в семье, где они чувствуют тепло и любовь. Характерная реакция отрицания всего и вся проявляется у подростков с лабильным характером так же, как и у всех остальных. Короткие вспышки их плохого настроения и раздражительности, обусловленные резкими перепадами настроения, оцениваются многими родителями неверно - как капризы и упрямство. И тогда реакция отрицания становится более выраженной. А из конфликтной семейной обстановки такие подростки нередко стараются вырваться.

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ И ПЛОХОЕ ПОВЕДЕНИЕ им не свойственны. Если эксцессы происходят, следует рассматривать так же, как и другие нарушения поведения, - как жест отчаяния.

Общение с другими подростками, иногда художественная самодеятельность, дружба с некоторыми домашними животными - типичные для них **ХОББИ И УВЛЕЧЕНИЯ**. Им чужды азартные игры, и скрупулезная дотошность коллекционирования, и настойчивое совершенствование движений, и интеллектуально-эстетические высоты. Ни одно из свойственных подростку хобби долго не длится и скоро сменяется другим, что не свидетельствует о легкомыслии.

ТОЧКА НАИМЕНЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ. Реальные проблемы, неприятности, утраты, несчастья подростки с "легким" характером переносят чрезвычайно тяжело, они склонны к острым эмоциональным реакциям и невротическим срывам.

Не менее тягостна для них утрата теплого отношения со стороны значимого человека (взрослого или сверстника), жестокая или просто холодная атмосфера в семье. Однако даже на пике горя, в силу изменчивости эмоционального фона острота переживаний может снизиться за счет каких-то внешних позитивных впечатлений: доброго слова или разговора о светлом будущем.

Ровное и доброжелательное отношение - единственно верная стратегия поведения с лабильным подростком. Такие дети весьма чутки к разным знакам внимания. Благодарности и поощрения доставляют им искреннюю радость и вовсе не побуждают к заносчивости и чрезмерному самомнению. Порицания, нотации, выговоры глубоко переживаются и способны погрузить в беспросветное уныние.

Ты очень симпатичный человек. Ты любишь, чтобы все было по-хорошему. Чтобы все хорошо относились друг к другу, не предавали, дружили, не обижали и не ссорились. Ты терпеть не можешь насилия, обмана, грубости и хамства. Когда попадаешь в жестокие ситуации, ты очень переживаешь, иногда даже отчаиваешься. И даже не из-за того, что именно ты пострадал, а потому, что вообще бывают такие бессовестные и подлые люди и порядки. Хорошо, что настроение не долго остается унылым. Через какое-то время ты все-таки обнаруживаешь, что в жизни есть и светлые стороны. И хоть мир жесток и не располагает к любви и доверию, в нем есть люди, которые способны тебе помочь. Если ты не встретил такого человека до сих пор, обязательно встретишь в будущем.

Общаясь друг с другом, многие предпочитают не оставаться самими собой, они как бы надевают маски и играют в разные игры. Тебе это не удается или получается неудачно - ведь ты не любишь играть. Дружелюбие, мягкость - не слабые, а сильные твои черты. Ты не мягкотелый, а тонкокожий человек, а это вовсе не значит, что ты слабый. Проявлять свои чувства обычно люди побаиваются, это не принято. И только самые сильные мужчины не стесняются своих слез, а самые сильные женщины - своей сентиментальности.

Почаще прислушивайся к тихому голосу своей интуиции. Она обычно говорит правду, хотя иногда и не очень желанную. Особенно, когда знакомишься с новым человеком.

По-настоящему тебе необходим в жизни добрый спутник или друг. Добрый и чуткий, и не обязательно сильный и удачливый. Важно, чтобы он умел выслушать, понимал без слов, мог приободрить в минуту хандры и разделить с тобой радость даже по самому пустяковому поводу. Общение с таким человеком дает ощущение надежности и уверенности, которых так часто не хватает.

У тебя переменчивое настроение - и это тоже сильная сторона твоего характера. Ты похож на ваньку-встаньку - очень устойчивую, как оказывается, игрушку. У тебя есть все основания для того, чтобы стать сильным и успешным человеком. Твое доброе сердце не может помешать этому, попробуй лишь научиться в некоторых ситуациях быть чуть более твердым. |

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... | *фазиль искандер*

Если уж родители ждут от своих детей успехов в той или иной области, они должны обязательно учитывать склонности детей, их привязанность к тем или иным профессиям. Должен быть какой-то совместный договор. С какого возраста он возможен, зависит от зрелости как детей, так и самих родителей.

В известных случаях разумные родители могут настойчиво рекомендовать детям, чем заниматься - особенно, когда подростки, порой даже в 15 - 16 лет, а некоторые и дольше, сами не в состоянии сделать этот выбор. С другой стороны, музыкальные или математические способности проявляются в достаточно раннем возрасте, тогда родители тоже рекомендуют детям соответствующее направление. Впрочем, мне мои родители ничего не рекомендовали. Я всегда мечтал стать писателем, писал уже школьником, потом поступил в Литературный институт имени Горького, никто мне в этом не препятствовал. Так и я стараюсь не навязывать ничего своему 17-летнему сыну.

Вообще доля истины есть во всех предположениях: и в том, что базовое воспитание человека заканчивается еще в самом нежном возрасте, и в том, что человек меняется и учится всю свою жизнь. Я не думаю, что воспитание завершается к пяти - шести годам. Но до 10 - 12 лет усваивается нравственный тип человека, который можно изменить, но изменить трудно. С одной стороны, человеческое существо склонно к бесконечному развитию, с другой стороны, в достаточно нежном возрасте определяется его склонность понимать мир и свое место в нем. Как писатель я понимаю, какое значение имеют впечатления детства, те интуитивные выводы, которые я делал тогда по поводу всего, что творилось вокруг.

Времена поменялись. Этого, конечно, нельзя сказать о каждой семье, но ломка времени привела многих детей к мысли, что наступили новые времена, в которых родители не разбираются. Это вечная тема, известный конфликт отцов и детей, но в наше революционно-переходное время он ощущается особенно остро. В то же время самые фундаментальные ценности жизни остаются почти неизменными, и надо опираться на них. Сегодня подросткам кажется, что все вчерашнее умерло и все надо начинать по-новому. Это не совсем так: что-то, конечно, изменилось, но что-то осталось неизменным. Дети склонны страшно преувеличивать новации, родители, наоборот, иногда их недостаточно учитывают, но все-таки за взрослыми - вечные ценности. Поэтому мне кажется, что в этих спорах чаще правы родители. Так и на Западе все бунтующие поколения пришли, в конце концов, как раз к тому, что говорили им их родители и что они сами отвергали. |

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПРАВИЛЬНЫМ РОДИТЕЛЯМ

леонид кроль

Кандидат медицинских наук Леонид Кроль возглавляет
Институт групповой и семейной психотерапии,
издательство "Класс".

*Феллини говорил: "Наверное, где-то есть взрослые люди, только я их не встречал".
Взрослые применяют различные правила воспитания, наставляют, делают строгие
внушения... Но от этого родителям и детям не становится интереснее жить друг с
другом. Часто, наоборот, между ними вырастает стена непонимания.
Как же нам научиться говорить на одном языке со своими детьми?*

Поучают, поучают...

Обычно к проблемам в отношениях с детьми приводит вполне определенная стратегия поведения взрослых. Достаточно жесткая и шаблонная.

Одна из самых распространенных: родители пытаются лепить из ребенка самих себя. Нередко бывает и так, что взрослые придерживаются принципов одной воспитательной системы. Они считают, например, что ребенку нужно больше запрещать. Или другая крайность: ребенку нужно все подробно объяснять, разжевывать. Или так: у ребенка должно быть четкое расписание и нужно по минутам следить за его исполнением.

Всем знакома картина: мама или бабушка волочит ребенка из школы и непрерывно поучает: "Ты такой и такой... Почему ты получил тройку?.. Почему ты запачкал куртку?.. Почему ты не записал задание?.. Я же тебя предупреждала, что..."

Своими "правильными", рациональными указаниями родители слишком торопятся сделать из ребенка взрослого, приобщить его к существующим нормам, ограничениям и забывают о том, что для развития ребенка не менее важна способность выходить за пределы жестких правил. Игра - это и есть исследование границ, поиск новых возможностей, научение быть свободным. Даже в самое серьезное общение с ребенком хорошо бы, как знаки препинания, вносить фрагменты игры.

А воспитывает ли ребенок нас?

Как правило, взрослые в основном обеспокоены вопросом: как мы воспитываем ребенка? Но есть другой очень важный вопрос: насколько ребенок воспитывает нас? Меняется ли наше поведение в зависимости от того, что с ним сейчас происходит?

Время от времени задавайте вопросы и ребенку, и себе: что сейчас чувствует ребенок? что стоит за его действием и даже жестом? Вчувствуйтесь: почему он ведет себя именно так.

Если на бурное выражение эмоций ребенка сразу налагается запрет: "Нельзя, не хлопай в ладоши", это говорит об отсутствии гибкости в поведении родителей. Вот если мама скажет: "Хлопни гораздо громче", потом "Хлопни тише", потом "Похлопаем вместе", потом "Сделаем так: ты хлопай, а я за тобой слеую, а после ты следуй за мной..." И когда ребенок за ней следует, играя, он сам делает хлопки все тише и тише. А затем постепенно от этого отказывается.

Где же ты, добрая фея?

Во времена перемен многие находятся в состоянии постоянного напряжения, скованности под грузом нерешенных проблем. Из-за этого взрослые становятся более отрывисты и директивны в общении с детьми. Общение превращается в непрерывный ряд указаний: не трогай... не ходи... Свою растерянность и тревогу взрослые прячут за излишней жесткостью.

На мой взгляд, ребенок в большей мере, чем это принято считать, может быть посвящен в переживания родителей.

А вообще для себя я вывел такую формулу: родители должны быть адвокатом ребенка. Ведь обычно они слишком быстро солидаризируются с другими значимыми для ребенка взрослыми.

Именно родители могут смягчить травмы, которые детям наносят учителя, воспитатели... Если ребенок чувствует, что у него есть заступник, добрая фея, старший друг, это очень много значит и дает лучший педагогический эффект, чем жесткое воспитание.

В сленг тоже еще надо "впилиться"

Замечательно, если родители ходят с ребенком на концерты (вероятно, не зря эта музыка так волнует моего сына?), смотрят вместе телепередачи и даже используют речь клипов, междометия, восклицания... Ведь и объяснить ребенку многое легче, аргументируя на его языке. Скажем, на вопрос "Почему тройка в четверти" ребенок отвечает: "В две темы не впилился". Если я сделаю замечание: "Что это за слово не впилился?!" - он просто уйдет в себя. А если я продолжу разговор и в следующий раз спрошу: "Ты как сегодня, впилился?" - он обязательно улыбнется в ответ.

Обыгрывание, вышучивание - прекрасный способ избавиться от тех манер, которые не нравятся родителям. Я, например, дал своему ребенку словарь эротического школьного фольклора. Он полистал, посмеялся и отложил его в сторону. Он понял, что это любопытно, но в этом нет ни того запрета, ни того магического смысла, притягательности "настоящих слов", которые от детей скрывают взрослые.

Неразведанные ресурсы хорошего настроения

Понятно, что родителям совсем непросто изменить привычное поведение и спуститься в пространство ребенка. Особенно если взрослый сам в детстве недополучил ласки, не доиграл, не научился давать волю воображению.

Помочь родителям лучше понять своего ребенка и самих себя, разобраться в своих проблемах, найти в себе неиспользуемые ресурсы может психологический тренинг. Человек учится концентрироваться, расслабляться, настраиваться и еще многому другому, что улучшает качество общения.

А ресурсов в семье, как правило, много. Любое изменение сложившихся стереотипов оказывает сильное влияние на детей. Когда "правильная", авторитарная мать садится с ребенком на пол и начинает играть с ним, строить кубики... она погружается в детское состояние и при этом не только создает комфорт для ребенка, но и сама получает положительные эмоции, находит дополнительные силы. Овладевая языком ребенка, взрослые получают больше удовольствия от жизни и от общения с детьми.

Институт групповой и семейной психотерапии проводит тренинг поддержки родителей и детей: "Как нам понять друг друга". Подробную информацию о тренинге можно узнать по телефонам: (095) 917-80-20, 917-82-91. |

ПРИЗНАНИЕ ОШИБКИ- ОПЫТ, КОТОРЫЙ НУЖНО ПЕРЕЖИТЬ

...Деньги потерял, а прощения не просит. Сервиз грохнул – и хоть бы хны. Смотрит и молчит. Он должен, должен признать свою вину! – признать или почувствовать? – он должен извиниться, по крайней мере!

Дети, как правило, неохотно просят прощение, с трудом соглашаются со своей – даже для всех очевидной – виной. Такие простые вроде бы слова: “прости меня, я виноват” – их можно произнести скороговоркой, а вот поди ж ты: молчит. Или еще хуже – агрессивно огрызается.

...Привычнее думать, что эта демонстративная “презумпция невиновности” и упорная “игра в непонимание” скорее вопросы этикета, а не серьезная психологическая проблема. Но со временем приходится признать: умение ребенка легко и просто извиняться за проступки как серьезные, так и легковесные может быть просто заученным ритуалом и формальностью в отличие от действительной (пусть даже недостаточно вербализованной) способности признавать свои ошибки. Ибо последнее – как глобальная педагогическая проблема выходит далеко за рамки хорошего или дурного тона в семейной системе ценностей.

Умение признать собственную ошибку – социальный навык, который формируется в раннем детстве. И конструирует его, разумеется, отношение взрослых к ошибке ребенка. В авторитарной педагогике, требующей от ребенка безупречного функционирования в заданном положительном образе, любая ошибка как бы выделяется красным карандашом и рассматривается как преступление домашнего (в лучшем случае) масштаба. Ошибка недопустима – она должна, по мнению взрослых, вызывать у ребенка острое, болезненное чувство вины и стыда.

В этой парадигме всякий промах ребенка – осложнения для взрослых (“Что же Я теперь буду делать!” или даже “что же ты со МНОЙ делаешь”), а не мотив последующих самостоятельных действий. У здорового полуторагодовалого малыша существует рефлекс: что-то разлил на столе, он, как котенок лапками, убирает за собой – тут же размазывает это, вытирает, то есть пытается исправить разруху. Но всякая мама, обнаружив пролитое на столе молоко, тут же хватается за полотенце: ой, что же ты натворил! Убери руки, говорит мама, я сама вытру. Дитя же слышит: замри и испугайся. Маме приходится расхлебывать мое неосторожное движение. Бедная мама, она исправляет мою ошибку. Так формируется неконструктивный способ разрешения ситуации: ты сотворил – ты виноват – сиди и смотри, как другие мучаются.

Проблема большинства родителей, демонстрирующих такую реакцию, в том, что они не разделяют поведение ребенка и его личность. Если он пролил молоко – он всего лишь пролил молоко, но родители с каким-то упоением начинают называть его растяпой, или неряхой, или слоном в посудной лавке и т.д., тем самым отождествляя жест и личность, промах и характер.. Однако “что проку в пролитом стакане молока, – спрашивал Жан-Жак Руссо в своем знаменитом романе-трактате “Эмиль, или О воспитании”. – Молоко должно быть вытерто, а санкция возможна только одна – человек остается без молока”.

В гуманистической педагогике – совсем другой подход. Не наказание, но санкция (воспользуемся определением Руссо) – вот базовое понятие для формирования навыка признавать свои ошибки. Общеизвестно, что наказание разрушает личность и вовсе не способствует здоровому мировосприятию. ...Санкции (то есть самостоятельно осмысленные последствия собственных действий), напротив, проясняют и структурируют всю картину происшедшего, ибо соответствуют поступку, а не нашей реакции на него. Процесс санкционированного осознания события состоит из трех стадий. Первая – стадия принятия: “ Да, я совершил ошибку. Это факт. С этим фактом надо что-то делать”. Вторая стадия – установить, что именно можно сделать, чтобы ошибка была каким-то образом компенсирована. Третья – стадия исполнения (вытираю пресловутое молоко, исправляю двойку, извиняюсь перед тем, кого обидел, и т.д.)

Первое отличие санкции от наказания – ее логическое соответствие событию. Не надо запрещать ученице качаться на стуле, даже если стул вот-вот сломается, – достаточно сказать: “Пожалуйста, постой немного, тогда, может быть, стул не сломается так быстро”. Если ребенок набросал семечки под партой, он должен всего лишь убрать семечки, но не выйти из класса в коридор. Если нагрубил учительнице, он должен извиниться перед ней, но это не повод отказывать ему в экскурсии.

Второе отличие – соразмерность санкции поступку (в то время как наказания обычно превышают его). Если те же семечки – под твоей партой, ты должен убрать только под своей партой. И незачем убирать в таком случае весь класс – потому что ребенку захочется тут же уравнивать масштабы “преступления и наказания” и следующая партия подсолнечной шелухи будет разбросана уже по всему классу.

И, наконец, третье отличие – созидательный характер санкции: они касаются только конкретного поступка и никогда – личности ребенка. Они безоценочны и безэмоциональны. Вместо того чтобы испытывать чувство вины, тебе достаточно просто исправить то, что ты сделал.

Почему так трудно признавать свою ошибку? Почему механизмы психологической защиты ребенка так быстро включаются даже в самых незначительных ситуациях? Потому что признать свою неправоту – значит стать объектом морализирования или принять на себя то же самое чувство вины... Это противоестественно.

В каждой школе – масса ЧП. Но среди них, как ни странно, мало таких, которые можно было бы назвать “эксклюзивными”. Акты детского вандализма, воровство, оскорбления, драки, издевательства – этот, в сущности, небольшой (хотя и неослабевающе-драматический) ассортимент событий может стать объектом своего рода общественного договора о допустимых в семье или в школе санкциях. Если что-то разрушено – оно должно быть восстановлено разрушителем (независимо от его умысла, мотивации, эмоций и прочих факторов). Если ты испортил с кем-то отношения – то иди и возобнови контакт, найди общий язык... (а как – сам придумай. Иногда достаточно одного извинения, а когда-то нужна целая система душевных и интеллектуальных усилий). На самом деле логика восстановления гармоничных отношений, то есть назначение себе адекватных санкций, – это вполне доступная каждому культура справедливости.

...Инспектор Морс из английского детективного сериала назначил себе такую санкцию: подарил несправедливо задержанному владельцу автошколы антикварный руль от автомобиля, победившего в Формуле-1 1929 года. Подарил – в момент освобождения из камеры. Извинился за свою ошибку и ушел. Подозреваемый был омерзительнейшим типом, мерзавцем, негодяем, но маньяком и серийным убийцей, как предполагал на протяжении всей серии инспектор Морс, он все-таки не был. Потому Морс и отдал ему бесценный раритет – это было формой его признания своей ошибки.

Но есть и другая традиция, отлично смоделированная в культовом отечественном сериале. “Ты не хочешь извиниться перед ним?” – спрашивает Шарапов у Жеглова, когда из-под стражи выпускают оговоренного Груздева. И получает классический ответ: “Сюда просто так никого не сажаят. Пусть сначала разберется со своими женщинами”... Два мира: Жеглов живет не просто в альтернативной стране – он живет в альтернативной философии. Он делает личный экзистенциальный выбор: не исправлять свою очевидную ошибку, не предотвращать грядущие “муки совести”. Если таковые, конечно, вообще возникнут...

Но у нас всегда есть шансы повлиять на будущий экзистенциальный выбор наших детей. Он не в последнюю очередь зависит от того, как мы поведем себя в тот момент, когда ребенок рассыпает сахар по столу, таскает кошку за хвост, приносит двойку, врет, дерется, сквернословит или совершает другие деяния, требующие реальных, конструктивных и, что главное, неоскорбительных санкций. Что делать, если вы не хотите наказывать ребенка?

- Говорить только о конкретном событии, а не о личности ребенка. Не “ты тупица в точных науках”, а “значит, ты получил двойку по математике”. Не “у меня растет шпана!”, а “ты сегодня подрался” и т.д.
- Советоваться с ребенком по поводу необходимых санкций: “Как ты думаешь, что с этим делать?” или “Как мы можем исправить эту ситуацию?”
- Проявлять терпение, когда ребенок исполняет вашу санкцию. Подбадривать его: “Ну вот, почти все...”, “Молодец, у тебя замечательно получается”.

Искренне выразить теплые чувства, поддержку, соразмерную количеству приложенных им усилий. “Знаешь, я горжусь сегодня своим сыном: он ошибся, но повел себя как взрослый мужчина”. |

ДЕТСКОЕ ВРЕМЯ | *софья луцковская*

– профессиональный дефектолог, психолог. В своей работе убедилась в том, что, поняв проблему ребенка, опираясь на сильные стороны его личности, можно вести его к успеху с достоинством, иногда вопреки здравому смыслу.

“Сердца людей двигают время”, - сказал первоклассник Дима на одном из занятий, которое мы проводили в его школе, исследуя представления о времени у младших школьников. Иммануил Кант писал о времени как “пространстве встреч людей”. Есть свидетельства того, что ещё в палеолите древние люди имели исключительно точный календарь, в котором были отражены важнейшие моменты в движении Солнца, Луны и других планет солнечной системы. Однако столь точные календари были нужны, как утверждают учёные, для определения момента рождения ребёнка и важнейших событий в духовной жизни людей. Момент встречи небесного и земного служил не столько практическим целям, сколько удовлетворял духовные запросы общества.

Для нас гораздо важнее ощущение времени, чем осознание его равномерной длительности. Ослабление связи с природными ритмами и циклами в современной жизни переносит акцент с коллективной памяти общества, запечатлённой в фольклоре и религии, на личные переживания человека

Время античности. Наряду с мифологическими представлениями о времени, запечатленными в образе богов, античность развивает систему календарного времяисчисления, которая действует и по сей день. Систему, которая служит, в первую очередь, для координации межгосударственных отношений. Появляются солнечные и водяные часы, позволяющие точно отмерять день и час.

Современная реклама: “Успех в деловой жизни - это умение договариваться”. Античность и современность едины в стремлении договариваться во времени. Со=временность - координация во времени.

Как же мы можем сообщить ребенку эту сложность взаимодействия секунд, минут, часов, дней, месяцев, лет, столетий? Как ввести его в объективное время, заданное движением небесных светил? Традиционный календарь весь пронизан смыслом тысячелетних наблюдений небесного астрономического и духовного планов.

Христианское время. Христианские представления о времени берут свое начало в античных преданиях, иудейских традициях и переименованных языческих праздниках. Параллельно существуют две концепции: с одной стороны, линейный ход времени от сотворения мира до Страшного суда, с другой - циклическое повторение праздников церковного календаря. Обе объединяет понятие “Явление Христа”. При этом рождение, деяния и страсти Господни находят свое отражение в праздниках всего года. Первое явление Христа ознаменовало начало христианского летоисчисления, его второе появление будет означать конец света.

Господство над временем. Городская жизнь, межрегиональная торговля, экономические, социальные и политические отношения требуют более точного согласования временных процессов. Изобретение механических часов стало нормативным руководством и выражением политической власти. То, что в монастырях было создано как средство поддержания распорядка и соблюдения дисциплины, смогло использоваться городскими властями для организации жизни граждан.

Современный календарь для ребенка - это простой набор цифр и красивых картинок. Календарь для ребенка не одушевлен и не осмыслен. Часы с удивительными механизмами: гирями, кукушкой, шестеренками - стремительно уходят из нашего обихода. На смену им приходит электронное табло с внезапно возникающими из ниоткуда и исчезающими в никуда числами. Время и пространство потеряли связь. Исчезло движение стрелок. Как понять теперь соотношение мер времени?

А мы все торопимся и хотим, чтобы дети все делали вовремя, быстро, а еще лучше - по плану! А ребенок, даже младший школьник, не очень-то представляет, где в календаре ночь. Там только дни. А где и когда вечер одного дня переходит в ночь, а ночь в раннее утро? И почему летом почти нет ночи, а зимой - дня? А когда “собираться с вечера”, “делать уроки на завтра” или, еще сложнее, через неделю? Первокласснику совсем не ясно, что “раз в неделю” - это каждый понедельник, вторник или пятница. Когда случается этот “раз в неделю”? “Событие становится событием в системе событий. Хронология лишь частный способ изложения этой системы. Система событий в целом задается господствующей в культуре моделью исторического времени и каждый раз тем, кто описывает конкретную систему событий”, - пишет российский философ Вадим Руднев.

Очень важно ввести ребенка в мир времени через сопричастность другому в этом мире. "Лучше приходи всегда в один и тот же час, - попросил Лис Маленького принца. - Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды".

Мне, чрезвычайно повезло в моем детстве со временем. Я встретила с песочными, наручными, карманными, настенными, настольными часами в доме моего любящего деда. Синхронный ход семнадцати приборов был предметом его особой гордости. Без тревоги опоздать, без спешки, с любовью было передано мне, пяти-семилетнему ребенку, чудо гармонии и закономерности, уважения ко Времени вообще и времени другого человека.

Кроме часов, я помню, что дед переводил мне с польского Януша Корчака “Король Матиуш Первый”. Эта книга еще не была издана на русском языке, а для деда Яна польский был родным, так как сам он был родом из страны - родины Коперника. Может быть, поэтому у деда была эта страсть к часам? Человечность и точность соединились в нем, вызывая уважение окружающих его людей всю жизнь, до самой смерти. Время для меня согрето любовью и пониманием. А после этого хочется интересоваться “устройством” объективного времени.

Время Коперника. С революционным открытием Коперника связано появление идеи соизмеримости Вселенной, Божественному часовщику установлены памятники в форме сложных часовых механизмов. Путь к представлению о мире как о часах был открыт. Сооруженная при графе Вильгельме IV в Касселе первая в своем роде обсерватория стала центром измерения времени. Здесь получила развитие идея измерить Вселенную при помощи точно идущих часов.

С момента своего рождения ребенок ориентируется во времени посредством чередования биологических ритмов жизни: сон сменяют время кормления, время общения с миром. Дошкольник погружен в нерасчлененное время - пространство, ведь его социальные связи не носят еще четко обозначенной и заданной ориентации во времени, регламентируемой социально значимым взрослым. Он ориентируется во времени в значительной мере стихийно, разрозненно, дискретно, поскольку на этот процесс влияет много факторов, имеющих разные источники, подчас мало связанные между собой.

Дети рассуждают так: "Время вообще есть, но без часов оно не заметно", "Часы не главное, часы - точное время, а настоящее время в днях, сутках". Дошкольник живет в собственных представлениях "здесь и теперь", где "минутка" - это слово, не соотносимое с физической мерой времени.

Поступление в школу усиливает процесс регламентации поведения ребенка во времени, но мало что меняет в осознании им этой категории. Будучи предельно абстрактной философской категорией, время так или иначе включено в содержание всех без исключения школьных дисциплин, однако нигде не изучается как самостоятельное научное понятие. Между тем степень абстракции определяется способом представления материала, и любая абстрактная категория может быть рассмотрена взрослыми вместе с детьми.

Девиз современного образования: "Не делать образование за меня и без меня". Следовательно, для овладения категорией времени детям важно прежде всего понять, что объективное время, точнее, его измерение, продукт человеческого разума, и нужно просто разобраться, каким образом человечество пришло к современному упорядочению времени.

...Каждый раз когда ребенок создает "свой" календарь, он строит то, что до него уже создано культурой. И такая работа требует участия взрослого, поскольку календарь - итог коллективной тысячелетней работы человечества - и требует поэтапного совместного освоения.

Рабы времени. *С часами-“наручниками” на запястье человек невольно превращается в “раба времени”. Ускоренный темп и тесно сплетенные временные модели определяют XX век. В картинах движения через пространство и время и изобразительное искусство воспринимает эти импульсы. Русский конструктивизм, фотоискусство, футуризм и сюрреализм - это художественные течения, пытающиеся удержать ускользающее время в рамках художественной техники. Каким будет новый век в своем времени и каким будет детство?*

В тексте использованы материалы выставки "Рождение времени", организованной в Москве летом 2000 года Государственной Третьяковской галереей совместно с музеем немецкого города Касселя. |

ЧЕЛОВЕК СИСТЕМЫ

Дмитрий Юрьев

-Кандидат физико-математических наук, журналист, искатель необычного - в мире, политике, образовании и культуре.

В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетий. Эта давняя система воспитания ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным". Аркадий и Борис Стругацкие. Особое социально-политическое значение "невоспитанности" постсоветского человека связано с той огромной ролью, которую играло воспитание в создании человека советского. Мир "большого стиля" - как времен расцвета и террора, так и периода застоя и упадка - был миром промаркированным. Он был не просто познаваем - он был уже познан, внесен в реестр, оприходован в справочниках и кодексах. Так, все люди упорядочивались на шкале "плохой - хороший", причем эталон "хорошести" - самый хороший человек в мире Ленин - даже хранился в специальной палате мер и весов, где-то рядом с платиной - иридиевым метром. Было известно все: что самый большой зверь - кит, что "Фауст" Гете - это штука послабее, чем Максим Горький, и что самый хороший человек после Ленина - Маркс. Подобное мироощущение порождало удивительный человеческий тип. Даже самый неграмотный знание уважал, а к тем зачаткам знания, которые успел усвоить, относился с беспредельным доверием. Журнал "Наука и жизнь" имел огромный тираж. Вопросы мироздания входили в сферу повседневных интересов масс. Виднейшие советские астрофизики - академики Гинзбург и Зельдович - ежедневно получали ворох писем от трудящихся со всех концов страны. В этих письмах трудящиеся настойчиво опровергали квантовую механику и теорию относительности: понимание конечности знания, постигнутого мира столь глубоко втемяшилось даже в самые девственные мозги, что любой выход за рамки школьной физики воспринимался как политическая провокация, посягательство на основы строя.

Во всем мире в XX веке человек в среднем отстал от своей цивилизации - если ранее массовое образование (и, соответственно, массовое сознание) успевало осваивать новейшие достижения науки, то сегодня среднеграмотный человек по уровню своего образования живет, вообще говоря, в прошлом веке. Более того, по словам немецкого философа В. Виндельбанда, "то универсальное образование, которым обладал афинский гражданин, которого удалось достигнуть великим людям эпохи Возрождения и к которому, по крайней мере, стремились поэты и мыслители Германии во времена Гельдерлина, в наши дни невозможно даже для гения". Однако советская действительность внесла в этот всеобщий процесс свою особенность, превратившую отставание советского человека от цивилизации в полный разрыв.

Дело в том, что если в естественных науках ложным было лишь представление об окончательности знания, то в дисциплинах гуманитарных в качестве постигнутой истины выдавались утверждения зачастую сомнительные или вообще дремучие. И дети вырастали с твердым знанием о том, что наивысшим эволюционным достижением науки является марксизм-ленинизм, а русская литература подразделяется на периоды освободительного движения.

Разрушить такую систему могли только люди, воспитанные ею, люди, воспринимающие мир осмысленным и желающие противопоставить подставному лжесмыслу настоящий смысл (в представлении, что он существует). Однако они вряд ли чувствовали, что в массовом сознании альтернативой абсолютному, единственному и сплошному лжесмыслу "научно-социалистического знания" оказывался не демократический, вариативный смысл знания относительно, цивилизованного, а отсутствие смысла как такового.

А поскольку характер воспитания советского человека действительно застрял на уровне фабрики по воспроизводству работников, и поскольку разумность, грамотность никак не укоренились в воспитании духа и разума, то крушение "идола знания" неминуемо превращало Человека Невоспитанного в Человека Невежественного, в свою очередь, готовящегося превратиться в морлока.

"...Ну что у них здесь за тоска!.. Дурака лелеют, дурака заботливо взращивают, дурака удобряют... Дурак стал нормой, еще немного - и дурак станет идеалом... Тоска, тоска... Какое-то проклятье на этих людях, какая-то жуткая преемственность угроз и опасности... Уголовники, озверелое от безделья офицеры, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, накукушавшая однообразием экономического шпионажа, взалкавшая власти..."

Аркадий и Борис Стругацкие

Морлоков - озверевших, живущих под землей и балующихся человечинкой пролетариев будущего - выдумал Герберт Уэллс. Неважный пророк, здесь он оказался непривычно точен, первым уловив поразительную тенденцию: по линии культуры, знания и образованности прошла пунктирная черта, грозящая перерасти в линию разлома человечества на два совершенно различных - на биологическом уровне - вида.

Неспособность человечества придумать новые способы просвещения и воспитания, которые объединяли бы весь круг знающих грамоту людей в рамках единой "ноосферы", стала причиной того, что образование сначала позволило себе стать школой "для простецов" и "для сведущих", а затем стать "школой для дураков", взрастив на перегное погибших социокультурных стереотипов новую поп-цивилизацию. Последним достижением эпохи всеобщей эмансипации становится эмансипация человека невоспитанного и невежественного.

Замечательная легкая музыка XIX - начала XX века (от Оффенбаха до Штрауса) сама воспринимала себя уничижительно рядом с музыкой настоящей (от Баха до другого Штрауса). Удовлетворяя совершенно иные потребности, "оперетка" не могла и помыслить о включении в "мэйнстрим". С точки зрения поп-цивилизации и ее адептов Бах и Моцарт - в лучшем случае одна из номинаций ("классика") всеобщего хит-парада, причем нечто совершенно маргинальное - дай бог, чтобы где-то на уровне группы "Колибри". Мэйнстрим сегодня - это Филипп Киркоров.

Это один, причем самый безобидный, пример того, куда приходят люди, вышвырнутые из социалистического "размеченного" и измеренного мира в мир без критериев. Но суть дела куда опаснее. Поскольку отсутствие критериев в сообществе, в котором "сведущие" составляют все более маргинальное меньшинство и где высокий уровень культуры и образования перестает быть фактором жизненного успеха, ведет к образованию антикритериев. Филипп Киркоров оказывается не просто более значительным в общественном плане явлением искусства, чем великий скрипач Исаак Стерн, - он оказывается лучшим, более правильным (а в перспективе - единственным допустимым).

Социальный статус невежества необратимо меняется. Меняется и его политический статус. Стандартный образ - "забытые народные массы", - подразумевавший повышенную легкость управления "быдлом" со стороны "элиты", - в XX веке перестал соответствовать действительности. Формула "Знание - сила" то и дело подменяется другой: "Сила вместо знания".

Ход событий таков. Сначала группа политических авантюристов, отрицающих основные принципы современной им "большой культуры" (а точнее, европейской цивилизации) и, как правило, представляющих амбициозных, но неудачливых маргиналов, захватывает политическую власть, затем пренебрегая нормами и морали, устанавливает власть силы над образованными слоями общества, вынуждая их подчиниться. Одновременно включается механизм насильственного "оболванивания" масс.

На следующем этапе первоначальный энтузиазм правящих иссякает. За это время бывшая элита оказывается "опущенной" - как силовых унижением собственного социального статуса, так и изменением критериев успеха. Одновременно в массовом сознании прежняя, естественно сложившаяся, иерархия ценностей отменяется решением "серой власти", каковая, в свою очередь - именно вследствие серости и бездарности - утрачивает решительность, агрессивность и силу. И вот тут-то оказывается, что никаких естественных рамок более не существует. "Забитые" становятся забивающими и выходят из-под контроля. В пределе они выходят из-под контроля вообще и превращаются в морлоков. Невежество становится воистину демонической силой - движущей силой антицивилизационного реванша, знаком наступающего регресса всего человечества.

"Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные. Эх, историки, хвостом вас по голове..." Аркадий и Борис Стругацкие

"Замыленный" глаз современника теряет способность оценивать характер и значимость многих очевидных (но привычных) обстоятельств. Поэтому вышесказанное может прозвучать абстрактно. Давайте подбавим конкретики.

Запад сотрясает скандалы - те или иные радикалы-экстремисты, представители социальных меньшинств то и дело заявляют, например, что холокоста и газовых камер не было вообще, а были унтер-офицерские евреи, которые сами себя сожгли. Но в не вполне благополучном западном обществе встречаются и другие обитатели - кто-то расстреливает из берданки школьные автобусы, кто-то сжигает сам себя, чтобы попасть на Сирию, кто-то ожидает прилета летающей тарелки. Западное общество терпимо - меры принимаются только против социально опасных. Однако в среднем понятие социальной нормы - пусть даже основательно размытое сексуальными и прочими революциями - существует. В реальном мире, в том, где живет девяносто пять процентов населения, где правят политики, ворочают деньгами бизнесмены и разгуливают на работу и просто так обыватели, эту норму знают.

В сегодняшней России нормы не существует. "Русское национальное единство", формирующее бригады боевиков, поклоняющееся свастике и призывающее к наведению расового порядка, само по себе ничего особенного не представляет, причем вряд ли уместны ссылки на то, что война с фашизмом унесла свыше двадцати миллионов русских жизней - давно это было, и немногочисленным нелюдям и мерзавцам из РНЕ вполне простительно об этом забыть. Скажем больше: ничего особенного не происходит и тогда, когда эти нелюди и мерзавцы, например, избивают "расово нечистых" и поджигают их дома. В этом - их роль. Вор ворует, убийца убивает, подонок подонствует, а дело полиции мирных граждан от всего этого защитить.

Катастрофа начинается, когда нелюди и мерзавцы из богослования губернского начальства - оказывают "добровольное содействие" во внешкольном воспитании детей, помогают контролерам проверять билеты в электричках, заключают со спортивными базами договоры об охране и вступают с прокуратурой в благожелательное обсуждение истинной роли солнечного знака свастики в эпоху дохристианской Руси.

Шествие астрологических прогнозов по страницам всех основных, в том числе и вполне приличных, газет и журналов также свидетельствует о губительной тенденции. В сообществе - КПРФ, РНЕ, ЛДПР в одном ряду с Лимоновым, Зюгановым, Баркашовым, Анпиловым, Прохановым, панком по кличке Свин (лидером рок-группы "Автоматические государственники") и другими вполне спокойной ощущающей миллионы, казалось бы, солидных руководителей чиновники и деятели искусства, да и те деятели вполне нормальных, приличных людей, которые за все это голосуют на выборах.

Тихо-тихо, мелко-мелко, без особых потрясений морлоки утверждаются в качестве полноправных и полноценных членов единой человеческой семьи.

Не получающее возмездия и всарвидство, непресекаемое хулиганство, узаконенная публичная диффамация всякого и вся свидетельствует: сегодня никто вообще не уверен. Дискредитирован язык вообще и смысл вообще. Осталось одно самодостаточное невежество. Невежество, осознающее себя как силу и достоинство. И становящееся действенной политической силой, если угодно, геополитическим фактором. Садам и Каддафи, Хаттаб и Басаев, Милошевич и Кондратенко, алжирские "фундаменталисты", вырзавшие женщины и детей назоле властям, и серийный маньяк Чикатило, наконец, философы и богемные жители вроде Роже Гароди и Дугина с Лимоновым - все это принципиально новые фигуры на мировой сцене. Их не сравнить ни с Гитлером, ни с Чингисханом, ни с Чаушеску, ни даже с Иди Амином. В действиях последних добсмотреть определенных целей (завоевать мир, добыть новые пастбища для кочевников, наконец, просто хорошо поесть - пусть даже собственных подданных). Морлоки - не звери, не варвары. Морлоки - не результат недоразвитости, они один из вариантов конечной стадии развития человека, если развитие пойдет по регрессивному пути.

Цель фашиста гитлеровской или муссолиниевской поры - истребить одних, поработить других и править миром вместе с третьими.

Система образования оказывается тем единственным - и последним - механизмом, который обеспечивает человечеству возможность вырваться за пределы второго начала термодинамики, победить регресс, деградацию, "тепловую смерть цивилизации".

Противостояние социальных групп, естественная смена тенденций, цивилизаций, стран, лидеров) приходит к последней, самой грозной и значительной оппозиции - к моменту выбора технологии дальнейшей эволюции человечества.

Суть этого выбора в том, что уровень развития культуры позволяет преодолеть казавшуюся единственно возможной дарвиновскую логику естественного отбора - "выживает сильнейший (и поэтому выживший)". Образованию становится тем самым уникальным социогенетическим механизмом, который определяет в конечном счете исход последнего "великого противостояния". Именно образование способно построить систему, либо провоцирующую и поддерживающую вариативность, либо гасящую все отклонения от "нормы".

В чем эволюционный смысл невежества? Невежество выступает на первом этапе как механизм примитивного обезличивания. Любому тоталитарному режиму "вежество" нужно лишь в рамках адаптивной задачи (врач, инженер, рабочий...), знание - лишь в пределах отведенной для него колеи. При этом система всеобуча - всеобщего образования - становится механизмом метаэстазирования невежества. Потому что сами по себе типовые программы, учебные пласты, управляемая из центра школа - это специально, искусственно создаваемый механизм унификации человеческого материала, механизм усреднения и порабощения человеческого сообщества, трансформируемого в стадо.

Но одновременно - с другой стороны - школа оказывается той самой точкой опоры, которая позволяет человечеству перевернуть казавшийся единственно возможным дарвиновский мир. Однако тоталитарное всезнание, реализуемое через систему советского образования, уравнивает людей через их оболванивание, обезличивание и подчинение, обеспечивая в конечном итоге их доступ к предметам потребления.

Вариативная школа выполняет функцию единственного в своем роде социального лифта, реализовывающегося так, чтобы обеспечить им доступ к счастью. В этом плане вариативность ассоциируется с избыточностью - количество возможных форм счастья значительно превосходит количество видов необходимых для поддержания жизнедеятельности организма питательных веществ. Но есть при этом в вариативности и рациональное (в самом прямом смысле слова) зерно - она фантастически повышает способность человечества к развитию и упреждающей адаптации, готовность цивилизации заранее к реагированию на самые неожиданные и драматические вызовы времени, а значит - шансы человечества не просто на выживание, но и на окончательный переход от выживания к жизни.

Вот почему можно утверждать, что ситуация вокруг выбора пути для системы образования на стыке тысячелетий является определяющей не только для профессионального педагогического сообщества, не только для детей и их родителей, но и для политической, социально-экономической и исторической судьбы человечества.]

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... | *александр кушнер*

Лучший воспитатель тот, кто воспитывает своим примером - и только. Никаких нотаций, назиданий и поучений. Профессиональный воспитатель всегда представлялся мне сомнительной фигурой. Знание предмета, увлеченность литературой, физикой или биологией - вот главное для учителя. И ученики ценят и любят такого учителя. Все остальное - шелуха, и дети умеют отделить эту шелуху от главного.

Будучи школьником, я любил только таких учителей и терпеть не мог тех, кто специально воспитывал, заботился о дисциплине, тратил дорогое время урока на педагогическую чепуху. В правоте своего детского чувства я убедился, когда сам десять лет преподавал в старших классах русский язык и литературу. Мне не приходилось "поддерживать дисциплину в классе", в этом не было необходимости. За меня это делали Пушкин, Лермонтов, Толстой.

Я и сына не "воспитывал" - просто он видел изо дня в день меня склоненным над письменным столом. "Сидишь, как спишь", - говорил он, посмеиваясь надо мной, но вскоре и сам стал просиживать за столом часы и дни, пробуя писать прозу, переводить с других языков и т.д.

Скажу больше - поэзия, проза, вообще искусство тоже никого специально не воспитывают, и если тем не менее они воспитывают нас, то это, так сказать, побочный продукт их воздействия на тех, кто читает, слушает музыку, любит живопись.

В заключение приведу свои стихи, в которых кое-что об этом сказано.

Кто ж хочет, чтоб его воспитывали? Серый
Куст - даже он щипцам противится, когда
Стригут его, дрожит... И только лицемеры
Кивают, нет у них ни чести, ни стыда.

И требуют от книг, чтобы литература
Воспитывала их... Но проза и стихи
Густы в своих речах, как эта шевелюра
Шиповника, свежи, как мягкий лист ольхи.

И если нам они под лампы ярким светом
Почувствовать дают могущество любви
И силу доброты, спасибо им, об этом
Не думающим, - честь и стыд у них в крови.

Подготовил Дмитрий Шеваров. |

ОПЫТЫ | *александра ленартович*

Мне кажется, что самое трудное занятие на свете - быть ребенком, особенно тяжело быть школьником. Абсолютно все работающие со школьниками знают, чему и как учить маленького человека, но редкий учитель задумывается - зачем.

Мне очень повезло в детстве: у меня были любящие интеллигентные родители и замечательные дедушка и бабушка. В шестидесятом году у дедушки и бабушки подолгу жили их друзья юности, возвращавшиеся из лагерей. Мне было тогда 12 лет, и я не все понимала из их сдержанных рассказов, но многое меня потрясло. Удивительно то, что все они были детьми из древних дворянских родов, счастливо и беззаботно жившие в своих имениях, учившиеся в лучших гимназиях, свободно говорившие по-французски, по-немецки, знавшие латынь, рисование, легко сочиняющие, встретившие революцию в 17-20 лет, воевавшие, учившиеся в институтах, любившие своих маленьких детей и на многие годы разлученные с ними. Все, о чем я читала взрослой в "Крутом маршруте", рассказывали Катя Виноградова, Владимир Лазарев, Вера Богданова, Надежда Симонова, Муза Дмитриева, вернувшиеся живыми из лагерей. Чему особенному учили этих людей в детстве, что смогли они не сломаться, не один раз потеряв все? Что давало им силы, вернувшись из ада, не только жить самим, но и научить радоваться жизни всех, кто рядом?

Муза Дмитриева писала мне письма до 1974 года, когда ее не стало. Как я теперь мечтаю о таком друге для своих дочерей. "Сашенька, не надо так расстраиваться из-за отметок по химии, я тоже не любила химию в гимназии: формулы, формулы - такая скука, а ты знаешь, как покрасить пасхальные яйца в желтый, зеленый, бордовый цвет? - это тоже химия", - писала она перед Пасхой 1961 года. "Деточка, я совсем ослепла от слез. Моя кровиночка - внук Андрюшенька погиб в автомобильной катастрофе в Австрии. Ему же всего 12 лет. Сын мой Коля лежит в Вене со сломанным позвоночником. На их машину налетел грузовик из Москвы. Сашенька, когда Коля приедет в Москву, объясни ему, что пока я на земле, будут гибнуть мои внуки. Все твои письма и фотографии, которые я тебе обещала, передаст Люда, будь с ней ласковой, она опять остается одна" - это из ее последнего письма.

Сегодня ночью позвонила мама Бори из Питера: ей показалось, что Боря напряженно разговаривал с ней по телефону, сильно нервничал из-за проблем с физикой. Пять дней назад его друг - победитель международных олимпиад, успешный и здоровый мальчик - не захотел больше жить и выпрыгнул из окна четырнадцатого этажа.

Не надо, наверное, писать так много о несчастиях и горестях, но как иначе объяснить мое отношение к проблеме детского образования?

Господи, дай силы всем детям выдержать нас, взрослых, спаси меня от спеси, высокомерия, раздражения, когда я бываю с детьми.

В восьмом классе умер мой одноклассник. На уроке физкультуры мы сдавали нормы по лыжам. Он прибежал первым, вспотел, снял шапку, ночью кричал от страшной головной боли, утром пришла в школу его сестра и сказала, что он умер. С ним дружила наша лучшая ученица Валя Запорожец. Когда она слышала эти слова в мертвой тишине класса, то упала без сознания. Прежней веселой Валею с прекрасной памятью, острым умом, непрерывно читающей, она так и не стала, а через год перестала вообще читать, не разговаривала даже с близкими, интересовалась только фасонами платьев с интересом шестилетней девочки.

В десятом и одиннадцатом классах я училась в сильной математической школе. В городе целый год мы жили только с папой, знакомых не было, поэтому в гости ходили только к папиному сослуживцу, сыновья которого учились в той же школе. Старший - в параллельном классе, готовился поступать на мехмат в МГУ. Он удивительно играл на рояле. Однажды он пригласил погулять мою одноклассницу Наташу Еровкину - первую красавицу в школе. Вернувшись, долго играл на рояле в закрытой комнате, потом замолчал. Через час мать нашла его повесившимся. Через два года его брат после сожалений учителя математики по поводу его меньших, чем у старшего брата, математических способностей выбросился из окна. Вообще-то школа была замечательная, нас прекрасно учили, в моем выпуске в четырех классах 21 человек получили медали, все поступили в институты, но четверо ушли из жизни сами, не дожив до 20 лет, трое умерли в белой горячке, многие потерялись.

И вот я - директор странной школы, где работают замечательные люди и многие из них знают, чему и как надо учить детей, а я, директор, не знаю этого. У меня есть мой опыт и письма родителей и учеников нашей школы.

"Мой сын родился очень слабым. В год он заболел пневмонией и его положили в больницу, я находилась в больнице вместе с ним. Один раз я уехала к маленькой дочке, а когда вернулась, мне сказали, что он умер и находится в реанимации. Я так закричала, что мой ребенок слышал меня и ожил. Я хочу, чтобы мой сын учился в школе, где любят детей и не кричат на них".

"У меня двое детей. Таня родилась с гидроцефалией. До четырех лет не ходила, говорить начала в 2 года 8 месяцев. Муж мне много помогал. 22 апреля 1993 года он пошел за молоком и больше не вернулся. Милиция объявила розыск, а мне они говорят, что многие мужья так исчезают. Я в церковь никогда не ходила, а Танечка перед сном каждый день говорит: "Боженька, пусть только моему папе никогда не будет больно". Пожалуйста, примите моих детей в вашу школу, иначе мы пропадем".

"Александра Михайловна, вы просили меня написать, почему я хочу, чтобы мои девочки учились в школе "Ковчег". Мы жили в Ереване, я работал на химкомбинате, жена в редакции журнала, но пришли демократы, ни химкомбинат, ни журнал стали никому не нужны, электричество и вода перестали поступать, девочки ночевали в пальто, шесть месяцев не ели горячей еды. Мы их отправили в Москву к дедушке, он устроил Аннеточку в английскую школу, она сходила туда два дня, получила три пятерки и сказала, что больше никогда в школу не пойдет. Девочки любят учиться и их обучение вас не затруднит".

Из разговора с родителями. "Миша до шестого класса очень хорошо учился, на скрипке играл, а потом что-то случилось, он вообще перестал в школу ходить".

"Миша, ты почему перестал в ту школу ходить?"

"Мы с нашей историчкой ходили в поход. Она начала всех собирать домой, а мы с другом строили шалаш и не слышали. Когда она нас нашла, то закричала и начала шалаш топтать, а там ежик сидел".

Заметки директора московской школы 1321 "Ковчег" Александры Михайловны Ленартович читайте в четвертом номере журнала. |

МЫ, НАШ РАЗВОД И НАШИ ДЕТИ

Эти страницы написаны для тех, кто находится сегодня в труднейшей ситуации, ситуации развода. Уже прожиты разочарование, боль и отчаяние, они сменились твердым решением идти по жизни каждому своей дорогой. Однако мысль о том, что за нашу ошибку должен платить ребенок, особенно невыносима. Хорошо, если вам удастся обсудить будущий разговор с ребенком вместе. Если нет, ничего страшного. Поговорить может и один из вас..

Очень немногие дети переживают ситуацию более или менее удовлетворительно. Подавляющее же большинство (от старшего дошкольного до подросткового возраста) реагируют на нее как на один из самых тяжелых стрессов. Ухудшается здоровье, появляется агрессивность, апатия, возникают проблемы с учебой, разрушаются социальные контакты. Разрушается само основание мира ребенка. Вашему сыну или дочке нужна именно ваша помощь.

Если ваш ребенок не старше десяти лет, попробуйте сначала самостоятельно, а затем вместе с ним посмотреть наши рисунки: многим родителям они помогли найти верный тон разговора на мучительную тему. А говорить необходимо! Нельзя замалчивать то, от чего днем и ночью болит душа.

Когда нас захлестывают эмоции, мы не всегда понимаем, что хорошо, а что плохо. Очень часто родители не облегчают детскую боль, а делают ее еще невыносимее. Готовясь к разговору, обязательно прочитайте комментарий к рисункам. И еще: все сказанное вами, увы, только слова, пусть правильные и сказанные верным тоном, но - слова. Результат будет лишь тогда, когда ребенок по-настоящему, на деле почувствует, что вы действительно не бросаете его, готовы выслушать, заботиться о нем, брать на себя ответственность за его будущее, то есть вы по-настоящему готовы отвечать за каждое сказанное в этом тексте слово.

Ты ведь знаешь, что мама с папой больше не могут жить вместе? Не так ли?

Развод мучителен, но это честный выход из ситуации, когда брак двоих людей теряет смысл. Часто кажется, чтобы не травмировать ребенка, правильнее оставить все как есть, отказаться от любви и поддержки, на которую каждый из нас имеет право рассчитывать, создавая семью. Но мертвые отношения губительно сказываются на ребенке. Если вы хотите, чтобы в будущем он был честен с вами, наверное, стоит быть честным и с ним, не забывая, конечно, что он всего лишь маленький ребенок.

Сколько раз ты слышал, как мы ругаемся ! Это нормально - иногда сердиться и выходить из себя, и громко кричать, и кого-то ненавидеть.

Очень важно разъяснить ребенку, что гнев - это естественное чувство человека и выяснять отношения или настаивать на своем, проявляя твердость, - это правильно. Иначе в будущем любые проявления гнева могут ассоциироваться у него с пережитой болью. Он может оказаться беспомощным перед чужим гневом. Может случиться так, что у него сформируется внутренний запрет на собственный гнев, а это - источник большого количества эмоциональных проблем в будущем. Покажите ему разницу между тем, что у него происходит с ребятами в классе (или во дворе), и тем, что происходит в вашей семье. Первое - нормальный процесс выяснения отношений, с этим можно жить. Второе - процесс ненормальный, с ним жить нельзя.

Нормально, когда это происходит иногда, но у нас, твоих родителей, это происходит все время! Это не маленькая ссора - мы ссоримся все время!

Ты видишь, мама часто плачет. Папа не приходит домой, когда мы ждали его... Или он уходит сразу после ссоры... (попробовать две картинки соединить в одну).

Наивно думать, что можно скрыть от ребенка ваше напряжение и депрессию. Даже не понимая сути, дети реагируют на окружающий эмоциональный фон очень чутко. Очень часто они значительно раньше родителей чувствуют: больше терпеть невозможно; они ощущают неизбежность развода раньше, чем родители примут свое решение.

Все дело в том, что мама и папа больше не счастливы друг с другом. Вот почему нам так плохо и трудно.

Вот поэтому мы так часто в последнее время кричим на тебя, даже когда ты на самом деле совсем не виноват. Мы как будто не в себе, это похоже на болезнь...

Вот, что происходит с нами, - мы больше не счастливы друг с другом. Поэтому мы хотим расстаться, жить отдельно. Я знаю, как тебе больно слышать это. Но ты видишь, какая плохая у нас жизнь... Вот почему мы решили расстаться.

Развод - это когда папа и мама не живут больше в одной квартире (под одной крышей).

Мы разводимся. Но не потому, что ты делал что-то неправильно! Слышишь? Это не ты виноват, это не из-за тебя!!!

Хотя мы сделали много неправильного в нашей семейной жизни, но то, что у нас появился ты, было самым правильным. Ты большая радость в нашей жизни.

Ты не виноват. Ты не виноват. Надпись в зеркале: "Ты ведь думаешь, что это из-за тебя?" Очень часто боль детей усугубляется разьедающим чувством вины за то, что они стали причиной развода. По времени развод может последовать за каким-то их проступком, и у них возникает причинно-следственная связь: сначала я сделал что-то плохое, а потом они развелись, значит, развод - это наказание за мое плохое поведение. Непроясненность этого вопроса приводит к острому чувству вины, которое может заставить ребенка всю оставшуюся жизнь наказывать себя. Важно также понять, что пока ребенок думает, что развод происходит из-за него, он будет бесосновательно надеяться, что он в силах все вернуть обратно. Поэтому говорите ему снова и снова, что вы недовольны друг другом, но не им. Что вы обижены друг на друга, но не на него.

Ты спрашиваешь, кто же тогда виноват? Мама и папа - оба совершили много ошибок. Мы далеки от совершенства. Не все знаем и не все можем. Мы оба сожалеем. Очень. Больше, чем ты думаешь. И мы знаем, как тебе плохо!

Дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста верят во всемогущество своих родителей. Они представляют нас великими волшебниками, которые все могут. Поэтому так трудно бывает развеять эту иллюзию. Однако, если мы не сделаем этого, кто же тогда, по логике ребенка, будет виноват в случившемся? Только он сам. Поэтому говорите и показывайте ребенку, как и когда вы ошибались. Оба - и мама, и папа.

Расскажи, что ты чувствуешь Мы хотим знать... Некоторые люди, когда им очень-очень плохо, начинают придумывать, как можно все исправить, другие, наоборот, хотят спрятаться куда-нибудь, где их никто не найдет. А ты? Ты очень рассержен? Тебе обидно? Это нормально. Нормально чувствовать такие вещи в такой ситуации. Нормально делать что-то, чтобы отвлечься.

Что будет, если не дать ребенку выговориться, выразить вам свои сильные чувства?

Возможно, ребенок откажется признать правду, ведь он видит только то, что подтверждает его точку зрения: "Я не верю. Он никогда не оставит нас". Или начнет вести себя как маленький - он как бы бессознательно возвращается к тем временам, когда все было хорошо. Он заболевает. Детские психосоматические расстройства - от простуд до энуреза и астматических приступов - нередко сопровождают ситуацию развода. Возможно, ребенок становится враждебным и агрессивным. Он мстит тем или тому, кого считает виноватым за причиненную ему боль. Он разрушает свой дом и все вокруг. Немудро реагировать на эту агрессию жестокими наказаниями. Но ее причины в заблуждениях ребенка относительно причин его боли. Помогите ему выразить свою печаль.

Наиболее частая нормальная реакция - плач. Сожаление и боль должны быть выплаканы. У него еще нет слов, чтобы выразить свои чувства, но слезы облегчают душу, особенно если вы сделаете так, что это будут слезы сожаления и печали, а не слезы обиды. Скажите ему: "Я знаю, ты плачешь, потому что тебе столько пришлось вынести. Я вижу, что ты сильный, потому что ты продолжаешь любить нас, несмотря ни на что".

Отдельная страничка. Крупно написано: "Но... что бы ты ни делал, мама и папа не останутся вместе. Мы очень-очень долго думали об этом, и у нас нет другого выхода". Нам не надо было жениться. Это была ошибка. А ошибки надо исправлять. Чтобы изменить что-то, мы расходимся...

Ни в коем случае не заводите разговор с ребенком о том, что вопрос о разводе еще может быть пересмотрен. Давать ему надежду в этой ситуации жестоко. Единственно правильная формула - родители обо всем договариваются между собой окончательно. Только после этого вы можете сказать те слова, которые написаны на картинке, как бы ни хотелось вам пойти навстречу мольбам ребенка.

Но хотя мы больше не муж и жена, мы по-прежнему остаемся твоими мамой и папой. Мы - твои родители. И мы сделаем для тебя все, что зависит от каждого из нас. Мы оба любим тебя и будем любить всегда!

Вы оба живы и любите своего ребенка по-прежнему. Теперь, когда ссоры и недовольство перестанут омрачать ваше общение, возможно, с каждым из вас по отдельности ему будет гораздо лучше. Расстояние не преграда для любви и понимания, когда взрослый открыт, эмоционально и физически. Один из вас может уехать в другой город или переехать в другой район. Но есть телефон и почта, есть множество средств связи. С их помощью можно сформировать у ребенка твердое убеждение: когда мне нужен папа (или мама, я могу рассчитывать на его внимание, совет и разговор. И даже если мне понадобится помощь среди ночи, я знаю, куда мне позвонить, и он приедет. |

АРХИВ |

“Педологический журнал”, орган орловского общества педологов в первом номере 1923 года опубликовал итоги опроса, проведенного в Полтаве среди слушателей педагогических курсов. Исследование проходило в рамках изучения “Идеалов подростков 1913–1917 годов”. Участники опроса, будущие учителя и воспитатели, в те годы и были подростками не старше семнадцати лет. Из 180 слушателей анкету заполнили 62 человека, в основном крестьяне, “но их ответы оказались настолько интересны и оригинальны, что их нельзя обойти вниманием”, – писал Н.Гришаков, корреспондент журнала. И мы с ним согласны.

Слушателям курсов были заданы вопросы о самых любимых книгах и литературных героях. Исследователей интересовало на что обращали внимание подростки при чтении, захватывало ли оно. Нравилось ли перечитывать книги и какие? Каким виделся автор книги? Читали ли то, что было предназначено для взрослых, и что не любили читать?

Безусловным лидером среди писателей оказался Николай Гоголь, которого любимым автором назвали шестьдесят опрошенных. За ним шли Чарская, Шевченко, Пушкин, Майн Рид, Тургенев, Бичер-Стоу, Жюль Верн. Среди сорока названных писателей – Толстой, братья Гримм, Марк Твен, Ф.Купер, Андерсен, Диккенс, Сервантес, Лермонтов, Чехов, Сенкевич, Гончаров, Короленко. Упомянуты были детский журнал “Светлячок”, Жития святых и Нат Пинкертон.

О своих любимых подростковых литературных героях будущие учителя вспоминали так: “Это красивые, смелые, добрые люди”, “Герои – это общественники”, “Это те, кто не щадит жизни во имя добра, добродетельность которых превышает зло”, “Это те, кто всю жизнь проводит в несчастьях и страданиях”, “Отважные, мужественные сильные герои Вернера, которые сеют вокруг любовь и добро”, “Герои – люди, которые с терпением переносят все беды”, “Сильные натуры”, “Отважные женщины”. Почти двадцать человек назвали любимым героем Тараса Бульбу, Робинзона Крузо, дядю Тома, кто-то – Иванушку-дурачка.

Анализируя эту часть анкеты, журнал пишет о том, насколько важно подростку иметь любимых героев, “хотя бы вычитанных из книг”. “В эти годы, как никогда после, дети чувствуют себя самостоятельными, с детской жестокостью критикуя своих ближних и сурово осуждая их, они имеют большую потребность в идеальном образе, соответствующем их психике. И молодой читатель находит его в книге”.

Многие пишут в анкетах, что любили перечитывать книги и много раз возвращались к интересным местам: “Шевченко перечитывали бесчисленное число раз”. И только несколько человек никогда не возвращались к прочитанному. А вот не любили подростки времен революции читать книги научные и описывающие природу, “фантастичные” приключения и сказки, “религиозные и поучающие” книги и большие романы.

На вопрос “Читали ли вы книги, предназначенные для взрослых?” отвечали так: “Читали без разбору, так как некому было указать, какие книги следует читать”, “Читали книжки, которые рекомендовал учитель. Были неинтересны”. “Особенно нравились те, о которых нам говорили: “Рано читать их – ты еще мала””. Одна слушательница пишет: “Подслушала, что “Крейцера соната” очень интересна, достала ее тайком, прочла – и разочаровалась в книгах для взрослых”. По мнению “Педологического журнала”, ответы на вопросы “особенно ярко подчеркивают необходимость умелого руководства взрослых детским чтением”.

Подросткам были интересны “книжки с картинками”: “Впечатление от них сильнее”, “Долго считал хорошей книжкой только ту, которая была с рисунками, а теперь понял, что и без них могут быть книги интересными”, “Когда сделались взрослыми, рисункам придавали большое значение, так как хорошо иллюстрированные книги помогали лучше представлять героев» .

Кроме приведенных ответов слушателей курсов, было сдано четыре незаполненные анкеты, но с весьма характерными замечками.

“В десять лет я окончил церковно-приходскую школу. В том же году умер отец, и я принужден был добывать средства к жизни, ходить за плугом, а не думать о книгах. Больше десяти лет после того я не брался за книгу”.

“Вспоминаю большое количество негодных книг, на чтение которых мною было потрачено так много драгоценного времени. Чтение ничего не оставило в моей памяти. Обвиняю целиком своих учителей, что не обращали внимания на чтение детей. Горячо прошу товарищей будущих учителей и воспитателей обращать наибольшее внимание на вопросы руководства детским чтением”.

“Сколько слез стоит сельскому ребенку чтение книг! Взрослые запрещают детям читать книги. Сколько меня били за них. Как бранили, как будто за страшное преступление. И любовь к книге сделала меня преступником. Я крал книги для чтения где только мог. Крал деньги или кое-что из хозяйства, чтобы купить их. А сколько страху пришлось пережить, прячась с книжкой. Тяжело приходится детям бедных крестьян, полюбившим чтение книг”.

“Мальчикам можно свободно читать, а девочкам хоть сквозь землю провались с книжкой. Все работай по хозяйству, или вышивай, или шей, а чтение книг – хуже баловства. Как меня бранили, смеялись надо мною, укоряли и били, чтобы не читала книг. – ужасно! Отец чуть плечи не переломал, так что фельдшеру пришлось делать перевязку. А все за книги!”

Журнал пишет, что из анкеты нельзя делать каких-либо определенных выводов, так как число заполнивших анкету слишком невелико. Кроме того, ответы давали взрослые люди по воспоминаниям о своем детстве, и тем не менее попытка понять подростков 1913–1917 годов интересна и поучительна. |

ВИРТУАЛЬНЫЙ КРОСС | виктория белопольская

Информационно-аналитическая служба “Дубль-Д” провела опрос среди школьников восьмых - десятых классов и выяснила, что десятку любимых актеров взрослеющих детей возглавляет Юрий Никулин. За ним следуют тяжеловесы в прямом и переносном смысле - Сильвестр Сталлоне и Арнольд Шварценеггер, потом, как и положено, на авансцену выходит “средний вес” - Жан-Клод ван Дамм. За ним - “ультралегкий и без холестерина” Леонардо Ди Каприо. Далее в списке по мере убывания “кумирности” - Андрей Миронов, Брюс Уиллис, Чак Норрис, Пьер Ришар и Евгений Леонов.

Вам кажется любопытным, что Никулин в лидерах? Вы лелеете мысль, что это говорит о глубинной общности с нашими детьми, что не “распалась связь времен”? Иными словами, вы считаете, что лидерство Никулина свидетельствует об известных - особенно нам с вами - идеалах? Лишь существо, полностью бесчувственное к прекрасному - а наша цивилизация под прекрасным подразумевает лишь рейтинги и результаты иных видов статистических набегов на социум, - лишь такое существо может испытывать ничем не омраченную радость при виде результатов, предоставленных “Дубль-Д”.

Вы, вообще, кого имеете в виду, когда говорите “Юрий Никулин”? Не того ли человека с некрасивым лицом, сутулого, со слабо скоординированной, мельтешащей какой-то походкой и внимательными глазами? Того, кто своим цирковым номером с ношением бревна втихую предъявил в самые болотно-застойные годы “альтернативный проект” “Ленина на субботнике”? Того, кто все так же тихо, незаметно, подспудно и исключительно на полутонах поднялся до высот высокой трагедии в “Двадцати днях без войны”? Того, кто разрывал сердце в комической как бы роли в фильме “Когда деревья были большими”? Того, кто играл самую большую человечность в “Ко мне, Мухтар!”? Того, кто был самым, может быть, пронзительным из рязановских героев в их поисках выхода из социального тупика и ухода от сущностного человеческого одиночества (это в “Стариках-разбойниках”)?

Или Балбеса и Семен Семеныча?

Просмотрите телепрограмму одной - любой, на выбор - недели за последние года четыре. Каждую неделю какой-нибудь из каналов показывает что-то из “Приключений Шурика”, “Пса Барбоса...” или “Бриллиантовую руку”. Участники опроса видели и полюбили Никулина, но не того, которого любим мы. Они полюбили именно Балбеса.

Никулин-Балбес, Никулин-Семен Семеныч - для наших детей идеальный “фрик” (полудурок на американском сленге), персонаж голливудских комедий и комиксов, а вовсе не наш Иванушка-дурачок, проверяющий на вшивость окружающую его реальность, как завещано нам русской сказкой и как нам хотелось бы думать. Никулин в качестве фрика близок не нашему фольклору и историческому опыту, а герою компьютерных игр типа “Фермер”, незадачливый персонаж которой должен успеть подоить коров, иначе они раздуются и разорвутся в кровавые клочки, застрелить хулигана, грозящего насмерть зачекотать коров, и прогнать пробегающее по территории фермы безумное приبلудное стадо.

Никулин более всех непрерывно присутствующих на телеэкране персонажей напоминает и эмтивишных “бакланов” Бивиса и Батхеда, у которых в глазах подростков, по-моему, лишь один недостаток - их мультипликационность, отсутствие физических тел. В остальном же они вполне тянут на “самых больших друзей тинэйджера”: в их жизни нет ничего по-настоящему серьезного, они вполне подростково озабочены сексуальной самореализацией и, главное, не блистают красотой и умственными способностями, что вполне рифмуется с юношеской закомплексованностью. Никулин-Балбес отличается тут лишь отсутствием сексуального вектора, в остальном же он тоже друг тинэйджера, причем воплощающий во взрослом обличи пленительный образ подростка, каким он часто видит себя сам. Что роднит с ним вдвойне, то есть со снисходительностью со стороны “недовзрослого”.

Как юноши из группы “На-на”, являясь в сознании их поклонниц певцами, в подсознании их выполняют функцию идеальных любовников (и тут вовсе не до песен), так и Никулин-Балбес, на сознательном уровне будучи актером-персонажем, на подсознательном выполняет роль подростка, как бы неудачно выросшего, не покончившего с унижительными подростковыми проблемами. А потому заслуживающего снисходительной братской любви.

Я пришла к выводу, что именно “подростковость” Никулина сыграла принципиальную роль в его успехе у подростков, ориентируясь отчасти и на тех, кто стоит за ним в очереди к тинэйджерским сердцам. Сталлоне, Шварценеггер и ван Дамм - явные, мне кажется, кандидаты на должность “дворовых авторитетов”. Они сильны и иногда справедливы. Это их главные качества, как и у нормальных маргинальных “авторитетов”. А все остальные, кроме Ди Каприо (тут в стройном хоре мы слышим голоса, безусловно, хористок, алчущих “большой, но чистой любви”), как бы редуцированы, снижены самоиронией или просто неизбежной иронией к ним, как в случае с Чаком Норрисом, называемым одной моей 16-летней знакомой крутым Укокером. И это снижение подростку тоже вполне в масть - так ведь легче справляться со свойственным возрасту смущением.

Короче, начав существование исключительно в виртуальном мире ТВ, наш любимый Юрий Владимирович Никулин претерпел значительные изменения. Если эти изменения не замечать, можно и самим угодить в виртуальный мир - мир исключительно желательного. Он не плох, но общего с реальным имеет, как известно, мало. |

СВОЯ МУЗЫКА | *Сергей Степанов*

– психолог по образованию, перепробовал профессии переводчика, редактора, журналиста, стараясь при этом всегда оставаться психологом. Устав редактировать и переводить чужие книги, начал писать сам. И пишет до сих пор. Теперь и для нас.

Впервые я почувствовал, что старею, лет десять назад. Тогда мне в руки попал диск группы "Creedence", выпущенный фирмой "Мелодия" в серии... "Архив популярной музыки"! И до меня вдруг дошло, что любимая музыка моей молодости, оказывается, относится к архивным древностям. А до той поры держать в руках такую пластинку мне не доводилось. Зарубежный виниловый диск, тайком привезенный из дальних стран (а "выездных" счастливицков в пору моей юности были единицы), продавался из-под полы за бешеные деньги - рублей за шестьдесят. Для сравнения скажу, что моя первая зарплата составила 56 рублей. Впрочем, эта музыка в исполнении любительских ансамблей звучала на всех школьных вечерах (слова "дискотека" тогда не знали) и, многократно переписанная, бережно хранилась в фонотеке любого подростка.

Сегодня мне удалось собрать полную коллекцию записей Creedence на CD. И я частенько усаживаюсь перед музыкальным центром, чтобы с ностальгической грустью вспомнить юные годы. Моя шестнадцатилетняя дочь недовольно поглядывает на старомодного предка и дожидается, когда же освободится музыкальный центр и можно будет послушать любимых "Backstreet Boys". Когда мы наконец меняемся местами, недовольно морщусь уже я, ибо не нахожу никакой прелести в скучноватых руладах флоридских пацанов. Выручает взаимная терпимость, основанная на понимании нескольких простых принципов. Эти принципы я сформулировал, изучая музыкальные пристрастия разных поколений. И хочу ими поделиться, потому что они очень облегчают взаимопонимание с теми, кто любит совсем другую музыку. Да и в своих собственных вкусах помогают трезво разобраться. Впрочем, на самом деле понять это позволяет гораздо больше, музыка для этого лишь повод.

Начать с того, что не бывает плохой музыки. Если музыка плоха, она просто не находит своего слушателя и умирает в младенчестве от естественной причины - невостребованности. Если находится хотя бы десяток ценителей, которые не просто готовы слушать музыку, но и получают от этого удовольствие, то такая музыка вполне жизнеспособна и с точки зрения этих ценителей очень хороша. Всем остальным она может не нравиться, но от этого не становится хуже. Вообще, количество ценителей роли не играет. Например, на концерт Боба Дилана, планировавшийся в Санкт-Петербурге, было продано полторы дюжины билетов. Маэстро обиделся и не приехал. А недавний его концерт в Венеции собрал свыше 300 тысяч зрителей. Не говоря уже о врученной ему недавно премии Грэмми за выдающийся вклад в искусство. Так что бессмысленно рассуждать, хороши песни Дилана или плохи. Просто кому-то они нравятся, а кому-то - нет. И это касается любого музыкального стиля или исполнителя. Интересно другое: почему нам нравится та или иная музыка? И почему у каждого поколения свои музыкальные вкусы, которые ни старшие, ни младшие не разделяют?

Наши музыкальные пристрастия в основном формируются в подростковом возрасте, в те годы, когда человек всерьез задумывается о своем месте в жизни. Ему хочется почувствовать себя личностью, а не просто послушным исполнителем родительских предписаний. Разумный человек понимает, что по большому счету старшие в своих требованиях правы: нужно научиться достойно себя вести, получить образование, освоить какую-то профессию, крепко встать на ноги - иначе всем твоим личностным притязаниям грош цена. Конечно, можно устроить бунт, забросить учебу, окунуться в стихию приключений. Однако рано или поздно все равно придется браться за ум и мучительно догонять преуспевших сверстников, не тративших время на бестолковое бунтарство. Но как же тогда проявить свою индивидуальность?

Такую возможность дает музыка. На ниве музыкальных пристрастий каждый может громко заявить, что он не тупо перенимает родительские ценности, а является самостоятельной личностью со своим независимым вкусом. И наиболее убедительно это звучит тогда, когда собственный вкус отличается от родительского как ананас от картошки. Негодование старших - лучшее подтверждение своей правоты. Четверть века назад (подумать страшно!) мне постоянно приходилось слышать от родителей и учителей, что мои любимые песни - это "музыка для дебилов, и вообще это не музыка". Сегодня, когда мой дом оглашают любимые хиты моих детей, похожие слова вертятся и у меня на языке. Но я тороплюсь их проглотить, не желая впадать в традиционные родительские предрассудки. Детей, наверное, больше устроило бы, если б я от гнева визжал и топал ногами. А на фоне отцовской терпимости им даже не удается в полной мере насладиться своей независимостью. Приходится довольствоваться тем, что эта музыка все-таки своя, а не папина.

А чтобы музыка была по-настоящему своя, необходимо, чтобы ее исполняли твои ровесники или по крайней мере люди очень молодые, не успевшие побывать кумирами старших поколений. Обратите внимание, как тот или иной коллектив или исполнитель становятся звездами. Обычно это происходит с довольно молодыми людьми, ориентирующимися на вкусы своего - молодого - поколения. Если им удается угадать эти вкусы и настроения, благодарные слушатели возносят их на звездные высоты. И на этих высотах кумир может пребывать десятилетиями, ибо поклонники, взрослея, сохраняют преданность ему. Человеку зрелого возраста, как бы он ни был талантлив, добиться этого намного труднее. Как произошло, например, с Леонардом Коэном, который начал петь довольно поздно и сумел snискать известность, но в весьма узком кругу.

Такие суперзвезды прошлых лет, как Джо Кокер или Эрик Клаптон, сохранившие популярность и поныне, на роль кумиров нового поколения категорически не подходят, ибо их звезда взошла лет тридцать назад. "Фанатеть" от Клаптона означало бы разделить устоявшиеся вкусы, а этого уважающий себя подросток позволить никак не может.

Блестящей иллюстрацией может служить судьба легендарной "Машины времени". Патриархи отечественного рока начинали свое восхождение к славе со школьных танцевальных вечеринок. Любительским музицированием в те годы увлекались многие, однако большинство не шло дальше примитивного копирования западных шлягеров. У Андрея Макаревича и его товарищей было одно важное преимущество: им не просто хотелось покрасоваться с гитарами, но и было что сказать. Пускай музыка вторична и безыскусна, зато тексты - свои. Более того, это были не бестолковые придыхания "любовь пришла, любовь прошла...", а остроумные песни с той умеренной долей философичности, которая, не мешая танцевать, позволяет кое о чем задуматься.

Официальному признанию такая позиция не способствовала. Мало ли какие размышления навеют слушателю "Марионетки" или "Битва с дураками"! Впрочем, официальная обструкция в те годы служила надежным гарантом всенародного признания. Армия поклонников "Машины" множилась день ото дня, многократно скопированные магнитофонные записи шипели и шелестели по всей стране. Слава команды Макаревича в тогдашней России была вполне сравнима с ярким блеском на Западе Deep Purple и Rolling Stones.

Кстати, Rolling Stones выступают по сей день. Правда, на их концертах уже не беснуются подростки. Приходят в основном ровесники музыкантов - вспомнить молодость. Новые композиции встречают тепло, но с особым нетерпением ждуть старых - "Рубиновый вторник", "Леди Джейн"... Ансамбль потихоньку превратился в памятник себе, а его концерты - в ностальгическую экскурсию.

Подобные явления - не редкость. Это даже дало повод для приговора: "Рок-н-ролл умер!" Наверное, это преувеличение. Просто рок-н-ролл перестал быть тем, чем был когда-то. Ведь кумиры прежних лет продолжают работать! Что же произошло с ними и с нами? Что изменилось?

Молодежная музыка шестидесятых-семидесятых была гимном бунта. Английские тинейджеры, пресытившись руладами прилизанных эстрадных звезд, узнали себя в непричесанных роллингах. Точно так же, отвергая приторный сироп официальной эстрады, советские подростки тянулись к откровениям Макаревича. Прошло время, подростки повзрослели. На смену юному романтизму пришел реализм повседневности. Никакой бунт не может длиться долгие годы... И рок-баллады, оставаясь по форме ершистыми, постепенно вросли в теплое лоскутное одеяло массовой культуры. Сегодняшние подростки предпочитают откровенно физиологичные танцевальные ритмы с бормотанием вместо слов. У их бунта своя форма.

Но как же современному подростку отстоять свою индивидуальность, если пристрастия, как оказывается, подчиняются общим, давно проверенным законам? Тут выручает многообразие музыкальных стилей. Собственную оригинальность можно утвердить, примкнув к поклонникам одного стиля и отвергая другой, - в зависимости от того, какая субкультура больше отвечает твоим склонностям. Один выбирает металл, другой - рэп, и при этом каждый может ощутить свое превосходство над другим. Для пущей оригинальности можно было бы выбрать стиль кантри. Но поклонников кантри в нашей стране единицы, поэтому невозможно ощутить солидарность с массой единомышленников. К тому же этот стиль существует уже лет полтора, и его звезды годятся тебе в дедушки. Нет, кантри явно не подходит.

Выбрав стиль и облюбовав подходящих кумиров, человек погружается в особую музыкальную среду, которая и составляет атмосферу его взросления. В этой атмосфере проходят, по сути дела, лучшие годы нашей жизни. Под эту музыку входят в нашу жизнь эмоционально-настоящая взрослая и через полвека заставляющая под старые аккорды вспомнить о последнем школьном звонке и первом поцелуе.

Все мы обречены взрослеть, а потом и стареть. И наши дети наверняка сделают свой музыкальный выбор, от которого у родителей зашевелится волос (иначе не бывает!). Попробуем относиться друг к другу терпимо. А если иной раз захочется высказать свое мнение о Prodigy, вспомните, не эти ли слова лет двадцать назад ваш папа произносил в адрес Deep Purple?

А порою стоит просто повнимательнее прислушаться, чтобы с удивлением обнаружить: на самом деле дети слушают ту же самую музыку, что и мы когда-то, только слегка осовремененную техническими изысками и подкрашенную свежими красками. Кумиры нынешних подростков фактически обыгрывают те же сюжеты и пользуются теми же приемами, что и несколько поколений их предшественников. Если разобраться непривычно, то безумно популярная ныне Земфира в меру своих способностей играет ту же роль, что и ершистая Джанис Джоплин в середине шестидесятых, а лидера "Мумий Тролля" Илью Лагутенко можно с почтением или с иронией (в зависимости от вкуса) назвать Моррисоном рубежа веков. Человек с хорошим слухом легко уловит перекличку не только незамысловатых текстов, но и музыкальных фраз и целых тем. Фактически молодежная музыка - это каждый раз вариация на одну и ту же тему, которую на свой лад развивает каждое новое поколение.

Однажды моя дочь, когда я стал проигрывать диск Боба Марли, удивилась: "Отчего это так похоже на "Чайф"?" Полчаса мы проговорили о том, что современный хит Шахрина "Аргентина - Ямайка" написан в классическом стиле рэгги, королем которого по праву считается давно почивший Марли. Перебрали ее фонотеку и мою, послушали одну песню, другую, потом еще много похожих и не очень... И, кажется, оба поняли, что нас гораздо больше объединяет, чем отделяет. Хочется верить, что это касается не только музыки. |

КНИГИ | *линн виссон*

– американка русского происхождения, живет в Нью-Йорке. Докторскую степень получила в Гарвардском университете, была профессором Колумбийского университета, где преподавала русский язык и литературу. Многие годы Линн Виссон замужем за русским. Ее новая книга – исследование разных аспектов смешанных русско-американских браков – охватывает период от 20-х годов до наших дней. **александр нилл**

Нилл Александр. Саммерхилл – воспитание свободой

М.: “Педагогика-пресс”, 2000

Книга английского педагога Александра Нилла “Саммерхилл – воспитание свободой” адресована не только родителям, учителям и психологам. Ведь говоря о воспитании свободой, он пишет о вирусе несвободы, который живет в каждом человеке. И признаки незаметной “инфекции” описаны им настолько просто и узнаваемо, что каждый увидит свои черты на страницах новой книги, если, конечно, на это хватит решимости и честности.

Удобный, предсказуемый, наказываемый, подавляемый – несвободный ребенок живет в каждом уголке планеты. “Он сидит за скучной партой в скучной школе, а когда вырастет – за еще более скучным столом в каком-нибудь учреждении, – пишет Александр Нилл. – Он тих, готов подчиниться власти, боится критики и почти фанатичен в своем желании быть нормальным, правильным, быть как все. Он принимает все, чему его учили, почти без вопросов и передаст свои комплексы, страхи и фрустрации собственным детям”.

Рассказывая об отношениях детей и взрослых, Нилл говорит о страхах, любви и приятии, лжи, ответственности, послушании дисциплине, поощрении и наказании, режиме дня и питании, отношении к сексу и религии, о детской жестокости и правонарушениях, ревности и зависти, родительской тревожности и понимании, власти и могуществе. И на какие бы аспекты отношений ни был направлен луч его внимания – речь всегда об одном. Не существует проблем детей, есть только проблемы взрослых. Только их нечестность с самими собой, их неприятие себя, их неумение быть счастливыми, их страхи порождают трудных детей, непонимание в семье, отсутствие интереса к школьным предметам... К примеру, строгую дисциплину, как правило, устанавливают родители, которые хотели, но не смогли добиться совершенства в собственной жизни. Не умея жить полной жизнью, полагаясь на дисциплину как на спасательный круг в потоке жизни, они не позволяют детям быть живыми, быть свободными.

Нилл не верит ни в какие спасательные круги, кроме изначальной чистоты и мудрости ребенка. Если его оставить в покое без наставлений взрослых, – считает он, – ребенок сам разовьется настолько, насколько позволит ему природа. Все на свете греческие языки, математики и истории не помогут сделать семью более любящей, детей свободными от подавления, а родителей свободными от неврозов. В школе Нилла в Саммерхилле нет обязательных уроков, дети посещают те из них, к которым лежит душа...

Среди выпускников Саммерхилла – высокопоставленные военные, известные танцовщицы, модельеры, медсестры, корреспонденты крупных газет, руководители больших фирм. Но социальные достижения малозначимы в этой системе координат. Дружелюбие, легкость, естественность, отсутствие застенчивости и самолюбования, а также инициативность, ответственность и готовность к сотрудничеству – эти черты учеников, о которых писали в отчете инспектора британского правительства, самые значимые для педагогов школы Александра Нилла.

Читая книгу в блестящем переводе Э.Гусинского и Ю.Турчаниновой, мы получаем уникальную возможность развязать многие из самых запутанных узелков своих переживаний и вместе с ребенком сделать значительный шаг по пути к свободе и простому, однако редко достижимому человеческому счастью. / **елена рублева** |

Издательство “Университетская книга” (М.; СПб.) приступило к выпуску “Антологии выстаивания и преобразования. Век XX”. Автор и главный редактор проекта – известный педагог (учитель истории и директор одной из лучших московских школ) Евгений Ямбург; издание поддерживает Фонд социально-экономических и социальных программ; в редакционную коллегию вошли ученые, писатели, философы, публицисты – Сергей Аверинцев, Александр Асмолов, Александр Нежный, Анатолий Приставкин и другие. Особая роль, видимо, у Григория Померанца – он выступил составителем первого тома “Благая весть” и автором концептуального предисловия к нему.

Цель проекта четко заявлена в издателем: “Кончается столетие, давшее миру страшный урок тоталитаризма: гитлеровские лагеря и ГУЛАГ, депортация целых народов в России, Холокост в Европе и “революционные эксперименты” красных кхмеров в Кампучии... Никогда прежде в истории человек не оказывался перед лицом столь чудовищных испытаний. Тем важнее передать юношеству трагический, но благотворный опыт выстаивания и преобразования, сохранения человеческого достоинства вопреки обстоятельствам, запечатленный в документах, биографиях и художественных текстах”. И еще: “Представленные книги имеет смысл выдавать каждому молодому человеку вместе с паспортом и, безусловно, представить в каждую школьную библиотеку”.

Нет сомнения: на пороге взрослой жизни человек должен узнать о трагедии Холокоста (автобиографическая повесть прошедшего Освенцим и Бухенвальд Эли Визеля “Ночь”), о подвиги и мученичестве матери Марии (жизнеописание, составленное протоиереем Сергеем Гаккелем), об опыте “духовных встреч”, запечатленных в беседах владыки Антония и митрополита Сурожского с верующими (это и есть первый том). Не менее необходимы следующие книги, где будут представлены, в частности, воспоминания Петра Григоренко и Анатолия Марченко, статьи Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга и Андрея Сахарова, проповеди и биография о. Александра Меня, повесть Василия Гроссмана “Все течет” и “Кольмские рассказы” Варлама Шаламова, дневники Михаила Пришвина и “Письма к немецкому другу” Альбера Камю, философские и богословские труды Семена Франка, Георгия Федотова, Карла Яспера, Пауля Тиллиха. Одиннадцать томов антологии расскажут молодому читателю о геноциде и мучениках веры, человеческих поражениях и победах, великих учителях, священниках, мыслителях и простых людях, сохранивших в непроглядной ночи свет веры, надежды и любви.

Удивляет, однако, что в этом разнородном своде не нашлось места для великого писателя, чьи свидетельства о единоборстве “души и колючей проволоки” как никакие другие в нашем столетии способствовали духовному пробуждению изрядной части человечества. Мягко говоря, странно видеть “Антологии выстаивания и преобразования” без “Одного дня Ивана Денисовича”, глав “Архипелага” и “Красного колеса”, Нобелевской и Темплтоновской лекций Солженицына. И никакие идеологические расхождения коллектива, работающего над антологией, с великим писателем (равно ссылки на то, что Солженицына и так издают) не могут оправдать эту вопиющую лакуну.

В проекте антологии четко прослеживаются два лейтмотива, требующих, как кажется, серьезной рефлексии. Во-первых, это мысль об особом “качестве” зла и насилия в XX веке. Мы заворожены не только успехами своего столетия (не так давно всеерьез обсуждался вопрос о “конце истории”, мыслившемся как повсеместное утверждение плоского понятия “либеральных ценностей”, – разговоры эти после всего, что случилось в девяностых, вспоминаются с горькой усмешкой), но и его злодейством. Мы забыли, что количество не всегда переходит в качество, что каждый человек – величайшая ценность. Да и с “количеством” дело обстоит не так просто – массовая резня не лучше газовых камер. Не случайно в предисловии к первому тому Померанц вспоминает “хмельничину”, в ходе которой погибло 400 тысяч евреев. Увы, можно вспомнить и Варфоломеевскую ночь, и прочие эксперименты Ивана Грозного, и Тридцатилетнюю войну, и конец Рима... Зло не вчера родилось. Когда обреченная на голодную смерть инокиня Феодора (в миру боярыня Морозова) молит стражника дать ей “количка” (хлеба, сухарик, огурчик), а тот раз за разом отвечает ей “не смею” (потому что “боюся”), – это не двадцатый век, а семнадцатый. И вопрос автобиографического героя “Ночи” Визеля “Где же Бог?” звучал задолго до появления концлагерей. Например, в девятом часу Страстной пятницы – из уст распинаемого Христа. Упирая на “исключительность” XX века, мы невольно отводим мысль от самой природы зла и тем самым стимулируем прекраснотушние в отношении отнюдь не идеального будущего.

Второй лейтмотив антологии – своеобразное “суммирование” тоталитаризма нашего века. Речь не о том, что хуже – национал-социализм или коммунизм. Но надо помнить, как долго дозволенные (хоть и совершенно справедливые) обличения “фашизма” служили нам заменой покаяния в собственной мерзости. За годы гитлеровского изуверства Германия заплатила и “физически” (поражением в мировой войне), и юридически (Нюрнберг, запрет преступной партии и ее “органов”), и нравственно (национальное раскаяние, осуждение до наших дней, когда ФРГ почитает долгим принимать евреев из бывших репрессированных СССР). У нас Нюрнберга России, неустанно разлагающегося о “русскости” и “православии” тех, кто семь десятилетий уничтожал миллионы людей, искоренял веру, глумился над самой сутью таких понятий, как культура, право, государство, личность. Надо признать: большевики своего добились. Их сегодняшние успехи (пусть относительные) – следствие не только после августовских ошибок, но и страшной деформации исторического и нравственного сознания народа. Включая интеллигенцию, которая никак не может уразуметь: без покаяния России (неотделимого от ее религиозного и исторического просвещения) наши обличения ружих преступлений отдадут толикой лицемерия.

И точно так же: только искреннее раскаяние может вернуть нам чувство национальной идентичности, избавить от комплекса неполноценности (оборачивающегося то истерической “державностью”, то мазохистской русофобией), привести Россию к свободе и величию. / **андрей немзер** |

Эта книга – повествования о любви, о счастье и невзгодах, о гражданских и личных драмах, переплетенных с судьбами своих стран. Эта книга и о том, насколько трудно людям разных культур понять друг друга. Корень этого различия автор видит в разных системах воспитания: тоталитарном воспитании советских людей и демократическом, полученном американцами. В американском обществе, где люди с детства приучены неучутьно даже тогда, когда речь идет о микромире семьи, не говоря уже о более широком круге американских знакомых и сослуживцев.

Меняются времена, меняется и характер отношений между людьми. Л.Виссон пишет: “Прожив девять лет в США, Федор повез Кэрл в Россию, чтобы познакомить ее со своими старыми друзьями. Однако она быстро уловила, что они хотели поговорить на свои личные темы, обо всем, что произошло за эти годы, и так построила свои планы, что многие из его знакомых занялись бизнесом и у них уже не было времени сидеть и часами разговаривать. “Они превратились в американцев”, – с грустью констатировал он”. Посмотрим на себя и своих детей, на наши семьи. Мы, родители, выросли в советскую эпоху и теперь все больше не понимаем своих детей – детей перестройки. А ведь, по-сути, сегодня любая российская семья превратилась в русско-американскую: нам трудно понимать друг друга. А понять необходимо, иначе рвется связь. Чужие мы или близкие под одной крышей?

Книга Линн Виссон поможет нам понять друг друга, научит идти на компромисс. / **наталья хмелик** |

... А ЛЕТ ДО ПЯТИ ШЕСТИ ЗАЯЦ БЫЛ КУКЛОЙ МАШЕЙ

елена дьякова

-заведует отделом культуры "Новой газеты". Автор книги "Перед праздником. Рассказы для детей о православном Предании и народном календаре России", кандидатской диссертации и энного количества самых разнообразных статей. Мама пятнадцатилетнего Александра. Семейный пароль такой: "Я долго жил среди взрослых, я видел их совсем близко и от этого, признаться, не стал думать о них лучше". Заяцем автора статьи зовут с 1988 года и до сих пор. По ее понятиям есть чем гордиться.

Из серого мартовского Тушина на мокрой микропорочке ее привезли в серое мартовское на мокрой микропорочке Дегунино на весенние каникулы. Спросили, глядя по щеке: "Оленька, как тебя дома зовут?" Оленька вздохнула и честно ответила:

- Кисонькой. И паршивкой...

Все мы зооморфны, каждый произошел от какого-нибудь зверька.

От обезьян? Да, бывает, но чаще тогда уж от мартьшки. От мурзика, от кролика, от птички-синички и от барбоса даже: каждого как-нибудь, по мере ласки и разума, именовали в детстве.

Впрочем, мера ласки у всех одна. Только слова разные: разная плотность поля и частота помех. Но мера ласки - одна и один источник света. Хорошо, пусть так. Но ежели реально, стоя на земле (всеми четырьмя ногами), на это поглядеть, что же получается?

Стаи зверьков-переростков, мурзиков и квакушек, втиснуты в фургоны городского транспорта, раным-рано, в белесом районе восьми тридцати. Стаи зверьков-переростков стремятся в центральной биоценоз, расползаются по конторам. Бывшие зверьки, бабушкины - дедушкины зайчики-воробушки, греются в подъездах, читают на эскалаторе гороскопы, возникают в дверях, предлагая приобрести наборы столовые, мельхиоровые, мелким оптом, и другие зверьки-переростки кричат им страшным голосом:

- Брысь! Капкан поставлю!

Достали... Достали, достали голые, обглоданные ложки-ножики, лязгающие в кошелке коммерсанта, достал запах в подъездах, достал страшенький, дремучий фольклор третьеклассников под дворовыми грибочками, но давайте лучше о чем-нибудь хорошем, давайте о зверьках - в сумерках они разбредаются по берлогам...

В сумерках они разбредаются по берлогам и сочиняют зооморфные сказки. Анималистические, если хотите. Про зверьков.

На краешке вечера, в детской, на табуретке, в темной, теплой, фланелевой норе. Узкий лаз под одеяло пахнет кремом "Чебурашка", в лазу блестят глаза - любопытные, как полтинники. Поперек полосатой пижамки написано по-аглички "Соня".

И подстричь пора... И давно пора.

И если там у зверька-переростка, сидящего на табуретке, метафизическое дупло (там тепло, там светло, там, свернувшись клубком, спит и дышит живая жизнь) - где-то здесь это дупло и расположено.

- Ты не уходи... - пищат из дупла.

- Ну ладно, - великодушно говорит зверек, упихнув под табуретку облезлый хвост, - ну хорошо, пусть. Ты будешь Белкой, если тебе так уж хочется, а меня зовут Сапсан, я - гонимая собака.

Там, под одеялом, упоенно слушают. Там, под одеялом, правда, думают, что мы нужны им и что они греются от нас и держатся нами. На деле-то все наоборот, но это секрет совершеннолетних.

- Однажды собака Сапсан принесла Белке глухариное крыло для игры в гурунов и Гайавату...

- Сапсан! Собака Сапсан! Неужели ты загрызла глухаря?!

- Ну видишь ли, - говорит собака Сапсан, зрелых лет собака в профессорском статусе, забредшая к старым друзьям и прочно застрявшая в детской, - видишь ли, гм...

Ах, какие усталые, избитые, дикой хитростью искаженные морды мелькают иногда в этих сказочках, каким страхом вздыбленная шерсть! Ты, из дикого леса дикая тварь, где ты загрыз глухаря? где загрызли тебя самого? и куда ты в конце концов приволок кровавые перья? - нет, право же, домодельные сказки могут быть очень страшенькими...

Но только во фланелевом лазу, прижав уши, благонаравно сложив лапы под щекой, не понимают кривой ухмылки и не слышат зябкого взрослого скулежа.

К чистому не пристанет. С подшерстком, с подтекстом этой облезлой истории слушатель разберется лет через двадцать. И поймет заодно, как много зверек-переросток рассказывал тогда о себе самом.

Впрочем, сам рассказчик тогда считал свою историю светлой-теплой, страшно далекой от жизни, неоправданно, постыдно далекой.

Кабы собрать однажды это зверье, всех-всех-всех... Кабы описать да составить, но что - брейгелево однодню? сонник? уменьшительно-ласкательный словарь? трагический зверинец? Красную книгу, наконец? Но последняя, к счастью, не надобится: этой породе нет перевода, каждый из нас произошел от какого-нибудь зверька.

Зверек вырос, прикупил табуретку и тахту, детского крема купил и стеклянных палочек... И под благовидным предлогом родительского долга программу "Время" прогуливая, зарезал на табуретке: можно мне теперь? можно я расскажу так расскажу? Жил-был зверь Пушистик, уменьшительно - Пуш-Пуш, ласкательно - Пуша. И жил-был Заяц, который выбросил со зла голубой стеклянный шарик.

По одной линии происходил зверь Пуш-Пуш от кошек, по другой - от белок, прадедушка у него был бурундук, вышел при таком смешении самый пушистый зверь на свете. Шерстка у Пуш-Пуша была рыжая, а глазки голубые, ел он орехи и сметану, а жил в Сибири, на большом дереве.

Однажды П.-П. стало скучно сидеть на дереве и грызть орехи, он запрыгал по веткам строго на юго-запад и допрыгал довольно быстро до самой Москвы (известно, что Уральский хребет он пересек в районе озера Тургай, пил там чай со смородиновым листом, три дня играл в камушки в топазовых копиях).

В Москве, в лесопарке Покровское-Стрешнево, Пуш-Пуш встретил зайца - с бантом и барабаном. Заяц яростно терся башкой о кору старого дуба - отдирав от ушей лапшу. Было больно, потому что лапша успела присохнуть. Заяц повизгивал и пинал несчастный барабан толчковой лапой.

Заяц смутно помнил, что лет до пяти-шести он был куклой Машей, жил в "Детском мире" и боролся за права уцененных игрушек. В разгар борьбы с верхней полки упал цирковой барабан, да прям по темечку... А что было дальше - кукла Маша не помнила, очнувшись она в квартире плюшевым зайцем на чужом серванте. От прежней жизни остались у Зайца бант, зловонный барабан на шее и голубой стеклянный шарик в левой лапе.

Сидеть на серванте и надувать щеки Зайцу скоро надоело. Он доковылял до кухни, вылез на балкон. И тут прокатилась по двору гроза в начале мая.

- Надо поддержать! - закричали кастрюльки, прыгая на конфорках.

- Надо поддержать! - завопил по привычке Заяц и ударил в барабан.

И тут откуда-то посыпалась лапша, лапша, лапша, началась буря, Заяц выпал с балкона и катился кубарем до самого Покровского-Стрешнева.

Бант и барабан, как ни странно, остались при нем. А голубой стеклянный шарик пропал, выкатился из лапы - стоило бедолаге забарабанить.

- М-да, история... - сказал Пуш-Пуш и повел Зайца к роднику мыть уши.

Они вырыли задними лапами нору, построили сверху Дом из Кубиков и поселились в лесопарке.

К ним прибежал в гости Доктор Горностайчик, вылизывал до блеска меховой халатик. Приходили звери Почемурики, пчеловоды-огородники и хмурый Барсуня, кот на хозрасчете, и Живой Мальчик Дениска, и Ежик Пыжик. И Полярный Лисенок Лизавета, который вообще не терпел игр без своего участия.

Они искали клад, строили шалаш, лечили тропическую рыбку Неон от тоски по родине с помощью йода, соли и синих чернил.

А барабан они аккуратно поставили в самый дальний угол.

А по лесу кругом-кругами топотали зверьки Крылики. Строго говоря, когда-то они были просто Кролики, пока не начали жестоко завидовать Птицам.

- Какая легкая жизнь, - вздыхали Кролики, - всегда в подвешенном состоянии! И потом, у них есть Птичья Права, а это очень важно!

В один зловонный день самый шустрый, зоркий и мыслящий Кролик в попытке взлететь сумел встать на задние лапы. И увидел своими глазами: на спинах его сородичей выступают из-под шкуры и шевелятся на бегу лопатки.

- Это же крылья! - закричал мыслящий Кролик. - Притом белые! Если мы всей стаей начнем бегать по кругу - крылья быстро окрепнут, мы взлетим, и начнется Легкая Жизнь! Кролики срочно переименовали себя в Крыликов и побежали.

Вскрости они вытоптали всю округу. Выпачкали лапы по самое брюхо. Перестали заводять крольчат - кто бы их кормил и вылизывал на бегу? Они пыгались загнать в свою стаю всякого встречного зверя. И самое ужасное - от их топота дрожал и раскачивался Дом из Кубиков, в нем было довольно страшно ночевать и завтракать.

Поэтому каждое лето Пуш-Пуш, Заяц, Полярный Лисенок Лизавета и Доктор Горностайчик варили в медном тазу разное варенье и тщательно промазывали щели между кубиками - это самый надежный способ спасти дом от топота снаружи.

А внутри дома, как известно, вообще топотать нельзя.

...И дальше, дальше, дальше - они, кажется, по дурости своей, рассчитывали всю дорогу развлекаться этими историями. Они собирались присочинить самые лучшие главы, они мечтали в конце концов оправдать барабан, найти надежный способ защиты от лапши, вразумить хотя бы двух-трех Крыликов и спасти из комоды живую Девочку Наташу, сыгравшую когда-то в прятки со Временем и ставшую Старой Черно-Белой Фотографией: да-да, было такое страшенькое предвечерье, когда Время бродило по переулкам и бурчало себе под нос:

- Кто не спрятался - я не виновато...

Заяц в конце концов понял, где лежит Голубой Стеклокый Шарик. И видел они, их няня и Дом из Кубиков сверху - вся Москва встала в шарик и пошел голубой стеклянный (шелковый, цирковой) сияющий купол. И ничего неподобающего не случится окрест, ни одна трещинка не пройдет по синему своду, пока все они глядят на мир широко раскрытыми глазами пятилетних.

- Вот так бы всю жизнь сидеть на ветке и болтать лапами о разных разностях... - сказал Пуш-Пуш.

- Слезь с, - испугался Заяц, - ничего-ничего... Всеми свое время: сидеть на ветке и слезать с дерева, глядеть широко раскрытыми глазами и прищуриваться с пиратским шиком. Благословен и день забот, знаешь ли...

И на этом все кончилось.

Как-то сразу, в одночасье, - только зарядили дожди. Доктор Горностайчик поступил в ординатуру и резко заневестился, ему не до нас. Живой Мальчик Дениска прошел по конкурсу в колледж города Ванкувер, Барсуня, кот на хозрасчете, продал дачу, потому что его хозяйка выросла. А Заяц позавчера, заглянув в лезвие, увидел, как Полярный Лисенок Лизавета в радужных лосинах, лапа на лапу, раскидывает карты по дивану большим цыганским крестом и говорит Пуш-Пушу как бы даже сочувственно:

- Даром ты не нужен даме трэф. Так-то, Санечка!

Заяц настолько обалдел, что с порога брякнул:

- Кто ж на игральных картах гадают? Ты б хоть на колоде посидела...

И в ужасе заткнул самому себе уши лапами, а пасть - локтем.

Сказка кончилась.

Скрип-скрип-скрипелец, позолота вся сотрется... начинаются суровые будни с пиратским шиком тинэйджеров... и они уже не по игре, а на самом деле отбирают у Зайца лопату и сумку с продуктами. А диванному эпосу - дорога в диван, к старым игрушкам.

Добредем по черной московской слякоти, по пятнистому гнейсу пересадов, сквозь заросли искусственных цветов, в сером буране, стряхивая с морды лапшу, лапшу, лапшу, по грудь в криминогенной тьме декабря, в толпе облезлых экс-зверьков, бабушкиных-дедушкиных зайчиков-воробушков, трамвайных, супермаркетных, сукожных, в красных пиджаках с норковыми воротниками.

Если только добредем среди разбитых стекол и вывернутых лампочек, лихо шурясь, смехивая кончиками ушей со щек... ничего, ничего, молчание, это ветер такой на перекрестке - вот уже и до русской классики дело дошло. И зверьки-переростки сидят как окаменелые целыми вечерами возле бронзовой лампы из давно пошедшей прахом, разрушенной детской комнаты в Пречистенском переулке (все из детской! Все, что хоть чего-то стоит на этом свете!).

Они сидят спиной к нам, в кругу света, тихо шурша страницами, как и было задумано: спасибу, я лягу и читай, а читать буду не больше двадцати пяти минут.

Все. Приехали. Дожили.

И прогулять программу "Время" теперь уже не получится - телевизор мерцает в дальнем углу норы, телевизор ждет, бессмысленно и страшно, кругами топочут звери Крылики.

И внезапно, готовясь ко всему этому морально, Заяц понял, кто на самом деле в "Винни-Пухе" был Винни-Пухом, кто пытался прикрыть глупые стишки, избыточный вес и любовь к свинным лапам, плотищелого прототипа и кому на самом деле так страшно было на Зачарованном холме отлепляться от теплого бока насамофер-робинова раннего детства.

И еще Заяц понял, чем отличаются настоящие сказки от наших домодельных, криво и крупно намешенных на скорую руку.

Из настоящих сказок храбрым сочинителем тщательно отцежены две вещи.

Уныние и чаепитие. |